

Вячеслав Владимирович Шалыгин
Охота на Сокола
Серия «Сокол», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140646
Охота на Сокола: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-10687-1*

Аннотация

Солдаты рухнули, срезанные очередью его автомата, и до Саши дошло главное – он стал убийцей... Всего несколько часов назад из простого ученого он превратился в носителя загадочного «Сокола», наделившего его сверхъестественными способностями. Теперь Саша мог управлять электронным «неводом», опутавшим всю планету. Но желающих получить подобное могущество оказалось слишком много. Абсолютная власть над миром манила соперников – «красных», «черных», «белых», а все государственные «конторы» были битком набиты двойными и тройными агентами. За Сашей началась настоящая охота, и самое страшное, что в роли приманки одна из группировок решила использовать его жену и ребенка...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	16
Глава 2	33
Глава 3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Вячеслав Шалыгин

Охота на Сокола

Уровень 1: Полдень – лишь начало дня...

Пролог

Визг шин и натушный рев моторов был слышен задолго до того, как серебристый полуспортивный «Лексус» на бешеной скорости вылетел из-за угла и, едва не столкнувшись с несколькими машинами, проскочил перекресток на красный. Прочертив на сером асфальте задними колесами два коротких черных следа, он поддал газку и выровнял движение. На следующем пересечении улиц он оказался через две секунды. Не дожидаясь, когда неторопливый красный сигнал отмигает положенное время и сменится зеленым, «Лексус» грациозно обогнул корму последней в поперечном потоке машины и еще увеличил скорость, хотя казалось, что быстрее можно только низко лететь. Неудивительно, что через пять секунд он нагнал тех, кого светофор пропустил в своем предыдущем зеленом включении. Какая нелегкая несла «Лексус» в таком опасном режиме, стало понятно, когда с теми же завываниями и ревом из узкого проезда через сквозной дворик вылетел черный, сверкающий полировкой и тонированными стеклами внедорожник «материнской» марки. В том, что черный «Ленд-крузер Прадо» намерен догнать серебристый родстер, сомнений не было. Удачно выскочив на проспект всего в сотне метров позади, он тут же пристроился «Лексусу» в хвост и уже не выпускал его из вида, несмотря на довольно плотный поток попутного транспорта. Маневрировали машины почти одновременно, правда, каждая исходя из собственной дорожной ситуации. «Лексус» дернулся влево, обошел сразу две легковушки, бросился вправо, занял мизерный промежуток между двумя расписанными броской рекламой грузовыми «VW-Газелями», затем снова ушел влево, почти вылетев через двойную разметку на встречную полосу, обошел еще три машины и, подрезав неказистую «Шеви-Ниву», снова перестроился в средний ряд. «Прадо» действовал более прямолинейно: сначала он тоже метался из ряда в ряд, но когда преследуемый спрятался между грузовичками, джип вышел на встречную и уже не покидал ее. Едва поток начал притормаживать перед очередным светофором, обе машины рискованно встали на разделительную, и водители снова утопили педали в пол. По прямой и без препятствий у «Лексуса» были все шансы оторваться, но экипаж «Прадо», видимо, имел на этот счет строгие инструкции. Когда расстояние между машинами начало увеличиваться, в крыше «крузера» раскрылся люк, из которого показалась бритая голова. Оценив силу встречного ветра, человек на короткое время спрятался и вновь высунулся уже в темных очках. На этот раз он выбрался из люка сначала по плечи, а затем почти по пояс. В руках он держал довольно занятное для непосвященных оружие: нечто вроде здоровенного ружья с барабаном, будто у револьвера. Бритый упер приклад оружия в плечо, прицелился и нажал на спусковой крючок. Стреляло «ружье» сорокамиллиметровыми гранатами, поскольку на самом деле это был «РГ-6» – шестизарядный ручной гранатомет. В преследуемого гранатометчик не попал, но взрывная волна встряхнула «Лексус» и развернула его боком. Снова завизжали шины, в том числе и всех остальных машин в попутном потоке. Водитель легковушки не смог выровнять движение, и «Лексус», развернувшись на полторы сотни градусов, понесся юзом прямо на опору большого рекламного щита со светящейся надписью «МТС – 20 лет с вами!». Звук от удара в столб был не таким громким и пугающим, как взрыв гранаты, но все равно заставил свидетелей в очередной раз вздрогнуть. Щит немного перекосило, но в целом «Мобильные телесистемы» устояли. Да и «Лексус» вписался в их бетонную основу довольно удачно – задним бампером. На асфальт проезжей части, гранит бордюрного камня и зрелую, пыльную траву газона посыпались осколки стоп-фонарей и мелкая смесь серебристой краски с грунтовкой. Ничего крупного – колесо, например, или глушитель – «Лексус» при столкновении не потерял.

Тем временем «Прадо» повел себя как осторожный, расчетливый хищник. Он остановился метрах в ста пятидесяти от замершего беглеца, будто выжидая, что произойдет дальше: забьется жертва в агонии или снова бросится бежать. Стрелок по-прежнему торчал в люке, держа гранатомет вертикально, словно короткую мачту сухопутного крейсера, и внимательно наблюдал за водителем «Лексуса». В том, что бритый в любое мгновение

готов «добавить», сомневаться не приходилось. Стоило человеку в легковушке совершить одно подозрительное движение, и оставшиеся в барабане пять гранат могли превратить его серебристое авто в искореженный кусок железа.

Сначала казалось, что водитель легковушки понимает, в какое незавидное попал положение, но выходить с поднятыми руками он не спешил. С каждой секундой у стрелка становилось все меньше победных иллюзий, и горячий короткий ствол гранатомета начал клониться долу.

Водитель в «Лексусе» – худощавый молодой мужчина с волевым лицом и ранней седой в висках – быстро осмотрел местность. Машин, кроме давно припаркованных на другой стороне улицы и застрявших в пробке далеко за кормой «Прадо», не было. Встречный поток тоже мгновенно иссяк. Все нормальные автолюбители предпочли остановиться или объехать опасный участок стороной. Пешеходы испуганно жались к домам и прятались в многочисленных магазинчиках и кафе. Чуть дальше по улице – теперь получалось, что позади «Лексуса», по левой стороне, – светил неоновой вывеской тот самый супермаркет торговой сети «Пятерочка», где у человека была назначена встреча. Тот самый... такой близкий, но теперь уже недостижимый. Люди в «круизере» не шутили. Одно неверное движение – и конец.

Водитель «Лексуса» стиснул зубы и медленно, но с нечеловеческой силой впился пальцами правой руки в покрывающий середину «баранки» пластик. Маскирующая подушку безопасности пластмассовая крышка лопнула. Человек все так же медленно сжал пальцы и потянул содержимое ниши в рулевой колонке на себя. Сложенная подушка безопасности оторвалась, обнажив спрятанные глубже провода и надувающий подушку механизм. Водитель легко, будто не пальцами, а кузнечными клещами, выдрал из положенного гнезда пиропатрон и бросил его на пассажирское сиденье. После этого он отстегнул ремень и перевел селектор коробки в положение «спорт-драйв». В этом режиме машина набирала сотню за пять секунд. Бортовой компьютер «Лексуса» тут же начал причитать и сыпать грозными предупреждениями – дескать, без пристегнутого ремня на акселератор ни ногой! – но человек только процедил сквозь зубы: «Заткнись». Борткомп, как ни странно, действительно умолк.

В «Прадо» уже почувствовали неладное, но вместо приказа открыть огонь гранатометчику велели сесть на место. Видимо, все-таки человек в «Лексусе» был нужен им живым. Задние дверцы «круизера» распахнулись, и на горячий асфальт лениво выбрались двое крепких парней в легких полуспортивных туфлях, одинаковых брюках и светлых летних пиджаках поверх одинаковых же модных рубашек. Короткие, но не нулевые прически вряд ли могли кого-то обмануть, ребятки не тянули ни на бизнесменов, ни даже на военных. Их выдавали бычьи шеи и тупо-равнодушные мины на похожих квадратных физиономиях. Глаза их были прикрыты от солнца темными очками также стандартного фасона; в этом году такие носили все, кто смотрел по «России» фильм «Смерш-3» с Горошенко в главной роли. То есть каждый второй, даже те, кому этот стиль откровенно не шел. Например, такие вот «быки» (хотя они-то как раз вряд ли смотрели нашумевший блокбастер). Парни заложили правые руки за борта пиджачков и неторопливо двинулись к «Лексусу»...

Пора! Машина взвизгнула шинами всех четырех колес, легко спрыгнула с бордюра и в три секунды набрала бешеную скорость. «Пиджаки» только и успели, что отпрыгнуть, а те, кто остался в «Прадо», успели и того меньше – только пригнуться. Еще две секунды – скорость почти сотня! Удар был настолько силен, что капот «Лексуса» сложился почти пополам, но грамотно подвешенный двигатель ушел не в салон, а под пол машины, рулевая колонка тоже провалилась куда-то вниз, и водителя не зажало в салоне, а швырнуло прямоком в лобовое стекло. Вернее, в его проем. Само стекло треснуло и выпало на смятый капот за четверть секунды до того, как подхваченный неумолимой силой инерции водитель вылетел из салона «Лексуса» и пробил головой лобовое стекло атакованного «Прадо». Причем на этом его сокрушающий полет не закончился. Пролетев между вздувшимися пузырями

подушек «крузера» и над спинками сидений, он выбил заднее стекло внедорожника и упал на асфальт, но не мешком с костями, а вполне профессионально перекатившись через голову. Более того, он даже попытался встать, но тут его ноги подкосились, и он упал на асфальт ничком. Двое отпрыгнувших «пиджаков» бросились было к нему, но тут один из них заметил, что под машинами, сцепившимися, будто борцы сумо, растекается лужа горящего бензина. Преследователям пришлось срочно менять планы и бросаться на выручку застрявшим в «крузере» товарищам. Эта задержка позволила человеку выиграть время, но силы у него были на исходе, и все, что он успел, – подняться на четвереньки и отползти на несколько десятков метров, почти подобравшись к дверям заветной «Пятерочки».

Со стороны перекрестка донесся вой милицейских сирен, а в воздухе застрекотало, видимо, свидетели вызвали стражей порядка. Впрочем, блюстители закона, особенно вертолетный патруль, и сами могли услышать грохот и увидеть дым. Так или иначе, а милиция и экзотическая, но уже почти привычная аэрополиция приближались. Экипаж «Прадо» слегка засуетился, но с места происшествия не сбежал. Складывалось впечатление, что обеспокоило их вовсе не приближение милиции. Спасенный из горящего «Прадо» бритый гранатометчик встряхнул блестящей на ярком июльском солнце головой и взглянул в сторону перекрестка. С него на проспект вырубивала целая колонна черных автомобилей самого разного калибра, от легковушек до больших грузовых фургонов и длинных автобусов, в сопровождении машин ГАИ. Впереди с заметным отрывом шли еще два в точности таких же, как у бригады «погорельцев», черных «крузера». Когда джипы затормозили рядом с пошатывающимися «пиджаками», гранатометчик лишь коротко ткнул стволом оружия в сторону уползшего к обочине человека.

Рядом с пострадавшим уже присели три или четыре доброхота, участливо предлагающих человеку помочь подняться или вызвать «Скорую». Казалось, никто из них так и не понял, что происходит. Не чувствовали граждане опасности, настолько успокоилась за последнее десятилетие жизнь. А ведь лет пятнадцать-двадцать назад всех бы уже давно как ветром сдуло. В те времена бандитские разборки на улицах были нормой жизни. Теперь же оружие в руках одного из пострадавших в ДТП не наводило граждан на тревожные мысли. Ну, был взрыв. Было страшно, ну и что? Может, на самом деле это шина лопнула или кино снимают. Теперь-то все успокоилось, страсти улеглись, надо помочь людям...

– Отойдите от него! Немедленно! – донеслось со стороны «крузеров».

Голос был грозным. Две старушки испуганно вздрогнули и, бормоча неразборчивые ругательства в адрес «бандитов таких!», засеменили прочь. Рядом с изувеченным водителем «Лексуса» остались только пожилой мужчина в древней сетчатой шляпе и вихрастый парнишка лет шестнадцати. Когда из машин выбрались все пассажиры и стало ясно, почему не стоит задерживаться рядом с пострадавшим, старичок тоже очень проворно ретировался.

– Слушай... – раненый человек внезапно ожил и схватил парнишку за руку. – Это очень важно...

– Отпустите... меня... – испуганно пробормотал паренек, пытаясь высвободить руку из цепких пальцев человека.

– Парень, отойди от него! – снова крикнул один из «пиджаков».

Парнишка испуганно взглянул на выстроившихся в ряд мужчин. На фоне двух черных сверкающих джипов, да еще с такими грозными «пушками» в руках, они выглядели отрядом суперменов. Дюжина суперменов на одну улицу, да еще каждый второй с гранатометом... явно перебор, особенно если учесть, что их противником является полумертвый человек. Парень перевел взгляд на пострадавшего. Да, наверное, он умирал. Это происходило вовсе не так, как в кино. Он не хрипел и не закатывал картинно глаза, но от этого не становилось легче, наоборот – страшнее с каждой секундой, ведь умирающий так и не отпустил руку парнишки, а все попытки разжать его стальные пальцы ни к чему не привели.

– Отойди, или взлетишь на воздух вместе с ним!

Да догадался уже! Только как отойти, если он держит?! Паренек в отчаянии ударил рукой по асфальту, стараясь, чтобы пальцы человека ударились о дорожное покрытие в первую очередь. Человек вдруг снова пришел в себя.

– Запомни... «Сокол»... тридцать четыре...

– Отпустите меня, пожалуйста! – перебивая его, взмолился парнишка. – Они же меня убьют... вместе с вами!

– ...двадцать два... – человек говорил одновременно с ним, – три ноля...

– Они уже целятся! – Парень не слушал бормотание умирающего, но тот не унимался.

– ...Двенадцать двадцать три...

– Я прошу вас! – парнишка всхлипнул. – Отпустите!

– ...январь пятнадцать... – Взгляд мужчины стал вдруг ясным, как стекло. – Теперь... беги... как можно дальше. Они убьют всех...

Он разжал пальцы, и паренек, постоянно тянувший руку на себя, не удержался на корточках и сел на пятую точку. Гранатометчики тем временем прицелились. Парнишка понял, что ему уже не успеть, и от страха его будто парализовало. Умиравший человек перехватил его белый, испуганный взгляд и негромко выругался. Он с трудом перевалился на бок, подтянул колени к животу и оперся на явно сломанную в предплечье левую руку – юноше показалось, что он слышит хруст костей. Но раненый даже не поморщился. Он встал сначала на колени, а затем поднялся на ноги и с трудом, какими-то рывками выпрямившись, повернулся к преследователям. «Супермены» почему-то медлили. Окровавленный человек покоился на парнишку и движением одной только кисти указал на двери супермаркета. Юноша поерзал, но парализующий страх по-прежнему не позволял ему двинуться с места. Раненый изобразил на изрезанном стеклом лице ободряющую улыбку и вытянул перед собой руки ладонями вперед. Гранатометчики нажали на спусковые крючки...

Парнишка хотел зажмуриться, но у него не получилось даже это. Внутри все оборвалось, время остановилось, но... Ничего не произошло. Оружие «суперменов» молчало. Не было осечек, но не было и выстрелов – ничего.

– Беги... – процедил с явным напряжением в голосе окровавленный человек.

Тело вдруг снова стало послушным, и юноша сначала отполз на пару метров спиной вперед, опираясь на руки и на пятки, затем перевернулся и пополз на четвереньках и только у входа в супермаркет сумел встать на ноги.

– Аслан, глуши его! – раздался за спиной чей-то громкий выкрик.

Паренек не понял, кого собираются «глушить» люди с гранатометами, и инстинктивно пригнулся.

Как раз в эту минуту за его спиной прогремел раскатистый гром, сложившийся сразу из нескольких гранатных взрывов, и в спину парнишке ударила сначала волна горячего воздуха, а затем град асфальтовой крошки, смешанной с чем-то еще, с чем-то влажным и липким. Волна сначала сильно толкнула, затем подхватила, оторвала его от земли, швырнула сквозь осыпающиеся на глазах стеклянные двери и, шлепнув, как тряпку о гладкий бетонный пол, протащила до самых касс. На какое-то время беглец провалился в сумеречное состояние, в котором все звуки слились в равномерный гул, а перед глазами появилась подрагивающая мутная пелена. Все наполняющие живот и грудную клетку органы сжались в один тугий комок, и это было хуже всего, поскольку мешало вдохнуть. А вдохнуть с каждой секундой хотелось все нестерпимее, ведь приземление плашмя на бетон вышибло из легких весь воздух. Когда в глазах прояснилось и прошло головокружение, парень попытался снова подняться хотя бы на четвереньки – инстинкты подсказывали, что в такой позе он сможет наконец-то вдохнуть. Это у него действительно получилось, пусть и не очень глубоко. Выдохнуть парень постарался медленно, глядя строго в пол. Затем снова вдох и опять медленный выдох.

Как на тренировке после спарринга в «полный контакт». Еще раз: вдох-выдох. Дыхание потихоньку восстанавливалось, и парнишка решил, что можно сменить позу. Едва он поднял голову, как по его правой щеке пролегла длинная влажная дорожка. Он провел рукой по затылку и обнаружил, что, во-первых, ему больно: затылок и спину страшно ломило, будто от удара кувалдой, а во-вторых, ладонь в крови. Сначала парень испугался, но, проанализировав свои ощущения, понял, что это чужая кровь, темная, смешанная с гарью и какими-то жирными и скользкими на ощупь ошметками...

Как очутился в дальнем конце длинного зала, он не запомнил. И зачем забрался в огромную холодильную комнату, он тоже не смог бы объяснить. Может быть, решил, что это дверь в подсобное помещение, хотя четко видел цифры на дисплее термометра и надпись «Сименс» над дверцей. В камере было холодно, но не душно, и под потолком светила тусклая лампочка. Парнишка забился в угол и, усевшись ноющей спиной к холодной стенке, принялся лихорадочно стирать с шеи и затылка мерзкую липкую влагу, ежесекундно отирая ладони о ближайшие заиндевевшие брикеты. Холод металлической стенки унял боль, а судорожные упражнения не давали замерзнуть и отвлекали от жутких воспоминаний. Ему было все равно страшно, но чутье подсказывало, что, укрывшись в холодильнике, он избавил себя от еще больших неприятностей. Тех, которые ожидали всех прочих свидетелей загадочного и страшного происшествия...

...Два больших черных грузовика подъехали к месту расправы, и выпрыгнувшие из кабины люди в черных комбинезонах и фильтрующих масках открыли задние двери их фургонов. Внутри оказались какие-то баки, шланги и компрессоры. Люди в комбинезонах развернули толстый шланг ближайшего к «Пятерочке» фургона и начали поливать место происшествия ядовито-желтой пеной. Ее пышная, подвижная масса расползалась стремительно и проникала в любую самую мелкую щель, в любой закуток. Когда дорога и тротуар приобрели канареечный цвет, державшие рукав люди направили поток пены внутрь супермаркета. Слабые протесты персонала они игнорировали. Помогавшие «поливальщикам» люди в таких же комбинезонах и масках бесцеремонно вытолкали персонал и покупателей на улицу и погнали, как гонят овчарки стадо, в сторону автобусов. Пена ползла по проходам, будто живая, взбиралась на стеллажи, покрывала упаковки, коробки и бутылки и медленно оседала, пузырясь и негромко шипя. Когда желтая пузырящаяся субстанция покрыла все в радиусе трех сотен метров, в том числе припаркованные к обочинам авто и бетонную опору рекламного щита, а также мгновенно погасила пожар, охвативший столкнувшиеся машины, люди в комбинезонах вырубили подачу пены и свернули рукав. Их место тотчас заняли двое людей из второго фургона. Они развернули почти такой же рукав, но с широкой и узкой насадкой, вроде насадки пылесоса, только в пять раз крупнее. Нет, они не стали «пылесосить», водя насадкой по пене и засовывая рукав во все закоулки. Они просто бросили его на землю и тоже включили компрессор, но теперь не на «подачу», а на откачку. Сбор желтой пены выглядел даже интереснее ее «нанесения». Компрессор гудел, рукав лежал на земле, а операторы просто стояли по колено в пене и бесстрастно наблюдали, как втягивается она в щель узкой насадки. Втягивалась пена быстро и единым целым, будто бы каждая частица пенного одеяла была прочно связана с остальными. Пена уходила, не оставляя следов. Упаковки на стеллажах, проходы, тротуар... все выглядело как прежде, разве что не таким пыльным, как до «санобработки». Не осталось ни влажных пятен, ни потекших надписей на этикетках, ни желтых капелек странного вещества, даже в самых узких щелях. А еще пена унесла с собой в баки черного фургона все, что напоминало о трагедии: малейшие следы крови, останки, обрывки одежды, гарь, сажу, осколки гранат, стеклянные льдинки осыпавшихся витрин и асфальтовую крошку. О взрывах свидетельствовали только идеально пустые проемы окон и дверей да выбоины на асфальте. Впрочем, выбоинами почти сразу же занялись двое из первого фургона. Они вытащили из грузовика непрозрачные пластико-

вые мешки без маркировки, вскрыли их и засыпали асфальт серым порошком. Затем один из них взял в руки большую синюю канистру и полил порошок темной жидкостью. Когда он закончил, его напарник направил на образовавшуюся кашеобразную массу приборчик, внешне напоминающий небольшой фонарик. Странный фонарик не светил, но явно работал; под его невидимым лучом масса вспенилась, расползлась по бывшему полю боя, заполнила все впадины и, потемнев до цвета асфальта, мгновенно затвердела. Человек с «фонариком» прошелся вдоль тротуара, несколько раз стукнул в асфальт каблуком и удовлетворенно кивнул напарнику. Тот показал большой палец и забросил канистру с остатками темной жидкости в кузов машины. Его жест был вполне справедлив. Отличить свежие «заплатки» от изначального дорожного покрытия не смог бы даже опытный армянский прораб.

Экипаж второго фургона к тому моменту тоже свернул рукав своего «пенососа» и уселся в кабину. Едва фургон отъехал, его место заняла «VW-Газель», в открытом кузове которой на специальных станках были закреплены упакованные витринные стекла, а минутой позже подъехал еще и «мерседесовский» фургончик с надписью «ЧП Северцев. Электромонтаж». Люди из первой машины деловито развернули рулетки и принялись обмерять зияющие проемы, а «ЧП Северцев» брякнул дюралевой стремянкой и полез наверх, к погашшей вывеске «Пятерочки»...

Наблюдай за всем этим зеваки, разговоров было бы на месяц, но с зеваками, как и с посетителями «Пятерочки», разобрались другие люди в черных комбинезонах и фильтр-масках. Только вооружены эти люди были не специальными приборами санитарной обработки и не рулетками, а полицейскими автоматами и электрошокерами. Еще до начала «санобработки» автобусы и прочие машины перекрыли проспект выше и ниже супермаркета, а подъехавший в хвосте колонны пожарный автомобиль сдвинул массивным бампером останки «Лексуса» и «Прадо» на обочину. Выскочивших из автобусов людей в черных комбинезонах и масках было даже больше, чем прохожих и работников ближайших заведений. Они очень быстро и организованно прочесали местность, включая дворики и подъезды ближайших домов, и проводили всех обнаруженных потенциальных свидетелей в те же автобусы. Набралось два полных междугородных «Неоплана». Что происходило с людьми в автобусах, снаружи увидеть было трудно – мешали темные стекла и красные, восхваляющие «Нескафе» занавески, но очень скоро большая часть граждан – в основном это был персонал ближайших магазинчиков и заведений – была отпущена с миром, а на смену им прибыла новая партия – жильцы близлежащих домов. Спустя некоторое время их отпустили тоже. Последними в автобусы были приглашены граждане, пытавшиеся улизнуть через дворы и черные ходы магазинов, – их выловил оцепивший ближайшие кварталы милицейский кордон. Из этих «пассажиров» так быстро никто не вернулся.

К тому моменту, когда закончилась проверка и зачистка, в витрине «Пятерочки» уже сверкали новые стекла и почти завершился монтаж автоматических дверей. «ЧП Северцев» пока возился с искрящей вывеской, но и его работа была близка к успешному завершению.

– Долго еще? – у подножия высоченной стремянки остановились трое в специальных изолирующих балахонах и с особыми приборами в руках.

– Пять минут. – Электромонтажник недовольно взглянул на них с высоты. – Мешаю?

– Заканчивай, проверяй и отваливай, – небрежно бросил один из троих, не глядя на монтажника. Все его внимание было приковано к дисплею прибора. – Мы сейчас рубильник во всем квартале опустим.

– Надолго?

– До вечера.

– Мне две скрутки осталось, – засуетился монтажник, – вы погодите... Я быстро!

– Ждем, – «небрежный» кивнул. – Три минуты тебе. Время пошло.

«ЧП Северцев» напряженно засопел, быстро заработал пальцами, торопливо завинтил крышку распределительной коробки и привычно крикнул в пустоту супермаркета:

– Хозяин, проверяй!

– Проверь, – усмехнувшись, повторил его безадресную просьбу главный из троицы, обращаясь к одному из товарищей.

Вывеска «Пятерочки» зажглась во всей красе, чтобы погаснуть ровно через две минуты. Но это уже не было заботой «ЧП Северцева». Он сложил стремянку, захлопнул ящик с инструментами и погрузил все в свой фургончик, ревниво косясь при этом на машину конкурирующей фирмы, примерно в том же спешном порядке устранявшей повреждения рекламного щита МТС.

– Че тут было-то? – напоследок спросил он задержавшегося у входа третьего из людей с необычными приборами в руках.

– Три заказа за один тебе закрыли? – Человек поднял на монтажника насмешливый взгляд. – Вот и радуйся. А много будешь знать, мало проживешь.

– Какие мы загадочные! – Электрик фыркнул и вразвалочку двинулся к кабине.

Отъехав от места происшествия на четыре квартала, «Северцев» вынул из кармана телефон и буркнул: «База». Видимо, голосовой набор был запрограммирован именно на такое бурчание, во всяком случае, вызов пошел и абонент ответил.

– Слушаю тебя. Это они?

– Все подтверждаю. Уже зачистили, теперь готовятся к контролю.

– Ты уверен?

– Обесточили весь квартал, даже связь заглушили, чтобы никаких помех не было. Я видел своими глазами, как эти ребята настраивали биосканеры и радиометры. Вряд ли здесь остались хоть какие-то улики.

– Опять полный ноль...

– Ничего, не в последний раз. Источник сообщал о трех удачных экземплярах, значит, остались еще две попытки. Рано или поздно они проколются...

...Вот такие дела творились снаружи холодильной комнаты «Сименс». Внутри же холодильника почти ничего не изменилось, разве что погасла лампочка и постепенно становилось душно. Парнишку уже не била нервная дрожь, остался только обычный озноб от холода. Ведь даже в выключенном холодильнике температура держалась значительно ниже нуля. Паренек обхватил себя руками за плечи и несколько раз толкнул дверцу ногой. Юноша уже почти пришел в себя и осознал, что спрятаться в камере было не лучшей идеей. Теперь он надеялся, что отсутствие напряжения в сети разомкнет цепь электрического замка камеры, но дверь вопреки ожиданиям не подалась. Парнишка слабо крикнул: «Выпустите...», прислушался, но ответа не дождался. Сквозь толстую дверь вообще не проникали звуки. Паренек постучал в холодный металл кулаком, затем развернулся и несколько раз ударил в дверь пяткой. Мягкая кроссовочная подошва погасила удар, и звук получился вовсе никаким. Он постучал костяшками пальцев. Так получилось громче, но было больно. Откуда-то из глубины души снова начал выползать страх. Стало казаться, что духота резко усилилась и, если не предпринять хоть что-то в ближайшие пять минут, гибель неизбежна. Паренек пошарил вокруг и нащупал брикет замороженной вырезки. Он уже замахнулся, чтобы ударить брикетом в дверь, как вдруг в затылок повеяло теплом. Морщась от боли в шее, он обернулся и увидел полоску неверного света. Без сомнений, это был выход. Бросив брикет, он осторожно двинулся на свет. Он проникал в щель точно такой же двери, как та, через которую юноша попал в комнату. Как же он раньше ее не заметил? И почему она открылась, а первая нет? Впрочем, какая разница? Парень выглянул из камеры. За дверью была подсобка. Ящики, упаковки с товаром, стеллажи и длинный проход, заканчивающийся

еще одной дверью, тоже приоткрытой. Дольше раздумывать он не стал. Сдвинув в сторону какие-то заиндевелые коробки, он выбрался из камеры, пулей пронесся по узкому коридорчику и выбежал на яркий солнечный свет.

Он бежал по густо заросшим травой газонам, перепрыгивал не просохшие после вчерашнего дождя лужи и низенькие лавочки в смежных двориках, каким-то чудом проскользнул между двумя милицейскими патрулями, пересек параллельную проспекту улицу и снова бросился в тень тесных зеленых дворов. Бежалось легко, несмотря на то что каждый шаг отдавался болью в спине, а в голове стучали кузнечные молоты. Все это было уже неважно. Парень летел как на крыльях, и подъемной силой ему служила одна ликующая мысль: выжил! Не взорвался вместе с тем сумасшедшим, не замерз и не задохнулся! Можно сказать – родился заново. Правда, так говорят в других ситуациях, но какая разница? По смыслу – верно. Теперь можно будет отмечать день рождения два раза в год: двадцатого января и пятого июля. День рождения и «день выживания». Обалдеть, какой денек выдался...

Только когда впереди замаячила родная десятиэтажка, он притормозил и попытался отдышаться. Появляться в своем дворе с испуганными глазами, стоящими дыбом вихрами и шмыгающим носом было несолидно. Там, на площадке, наверняка сидят пацаны во главе с Игорем Семеновым. Увидят таким – засмеют. Особенно будет красноречив сам Семен. Его хлебом не корми, дай позубоскалить. И черный пояс его не пугает. Это все остальные уважают долговязого и нескладного Саню Баркова за достижения на татами, а Семенова такие мелочи не волнуют. Если есть повод, обязательно что-нибудь скажет, правда, не в обиду, а так, для хохмы...

Все... дыхание в норме, вихры кое-как приглажены, на лице – с трудом напыленная, но почти натуральная – маска расслабленной уверенности. Почти взрослый человек; умудренный жизненным опытом и знающий нечто недоступное другим. В голове, правда, шумит, как в закипающем чайнике, а спину и затылок будто накачали горячей пульсирующей жидкостью, но гримасу боли легко превратить в усталость. Этому трюку Саша научился уже давно, еще на первом году тренировок. В клубе так делали все мастера. Потому-то новички и сочиняли небылицы о неуязвимых и абсолютно нечувствительных к боли «черных поясах». Мелюзге было невдомек, что их кумиры просто умеют сохранять лицо – не более того.

Итак, взрослый, уверенный и немного усталый. Без зеркала сложно оценить, но вроде бы получилось. Теперь надо вразвалочку подойти к пацанам, солидно, за руку со всеми поздороваться и как бы невзначай упомянуть о сумасшедшем приключении на проспекте. Или не стоит? Не поверят же, начнут пальцы загигать, «отвечаешь, докажи...». А как доказать? Отвести их, ткнуть носом в милицейские кордоны? Нет, ноги там не будет еще неделю! Да и сил нет, до квартиры бы доползти. Значит, лучше ничего не говорить. Никому. Просто подойти, поболтать две минуты и, по-взрослому сославшись на дела, отвалить. Главное – держаться спокойно и не морщиться от боли. И вихры не приглаживать – дурацкая привычка! Проклятые вихры... и эта родинка на щеке, из-за которой лицо выглядит все еще детским. Так, все, солидно и голос поглубже: «Хай, Семен, вотс а?» – «Пивка?» – «Не-е, тренировка вечером...» – «А мы тут токинг замутили, че круче – „Смерш“ или „Токсик-три Д“...» – «Ну ты и свинтил фигуру! Нельзя их сравнивать...» И так далее.

Он в сотый раз пригладил непослушный вихор и невольно коснулся родинки на щеке. «Поговорим, разбежимся. Недельку поотвечаю по телефону, что страшно занят. Потом спина отойдет, башка отзвенит, и снова встретимся во дворе, чтобы мутить токинги и посасывать пивко... Так все и уляжется-забудется, в привычных разговорах и неотложных пацанских делах. А там будет видно, может, и найдется кому рассказать о сегодняшнем приключении. Лене, например, в субботу. Если она согласится пойти на „Биплан“ в Олимпийский. Она вообще-то больше бойз-бэнды слушает и особой тяги к старым рок-группам не испытывает, но чем черт не шутит? А потом можно будет завалиться в „ночник“ – денег как раз хватит

на пару коктейлей, – если фейс-контроль прямо с порога баиньки не отправит. Ну, да там разберемся... Главное – выбросить все из головы до субботы. И происшествие, и вихры, и родинку... Далась же! Никакая она не детская! И вообще, зато пушок над верхней губой уже потемнел... Все, двор. Собрался...»

– Хай, Семен!

– О, мастер Сан! Ты слышал, что на проспекте случилось?

– Нет, а что?

– Два джипа в лепешку! Лобовое, прикинь!

Саня знающе усмехнулся и хотел небрежно так, снисходительно просветить приятеля, что же произошло на самом деле, но язык почему-то не послушался. Он будто прилип к небу.

– Два трупa и трое в тяжелом состоянии, – сверкая глазами, продолжил Семенов. – Сам видел в новостях.

Он многозначительно покосился на свой новенький смартфон «Нокиа». Машинка этого поколения имела пока только у него. Все остальные пользовались смартфонами еще первых моделей или вообще морально устаревшими мобильниками. Даже Саня, парень по меркам приятелей непростой и по части мобильных штучек продвинутый, «юзал» трехлетний смарт от «Моторолы».

Саня взглянул на новый приборчик в руке Семенова, но вид новинки не вызвал у него обычного вожделения. Сейчас его больше занимал пугающий блок в сознании, не позволяющий ему говорить о происшествии на проспекте.

– А ты, мастер, где был? Опять в «Связном» торчал, на мобилы облизывался?

– Да, нет... я там...

– Ты че, подрался с кем?

– Подрался? – только сейчас до Сани дошло, что его рубашка от воротника до пояса, да и джинсы, сплошь в бурых пятнах. Внутри похолодело. – Нет... это тренировка такая... была... ну, знаешь, там, туши говяжьи вместо мешков... удары отрабатывать...

– Чумовой снаряд. – Семенов ухмыльнулся. – Ну и че, много ребер телячьих сломал?

– Порядком. – Саня отвел взгляд. – Ладно, пойду кловис сменю...

– Давай. – Семенов замысловато отсалютовал. – Будь здоров, Саня-сан...

Саня боком, стараясь не показывать приятелям спину, покинул площадку и нырнул в прохладу подъезда. Надо же, как все обернулось... Он почувствовал, что к щекам приливает кровь, и почти увидел, как темнеет от этого родинка. Ладно, ничего не случилось. Выкрутился же... А все-таки странно, почему не смог ничего сказать про взрывы на проспекте? Сотрясение заработал, что ли? Так ведь не впервой. На тренировках иногда и посильнее доставалось, и ничего, никакие слова к глотке потом не прилипали. Или это психологический шок, ну, от этого... нервного напряжения. Шутка ли – чуть гранату не поймал на свою... спину. Может, в психушку пора? Вот уж повезло вляпаться! Ни рассказать никому, ни самому разобраться. Что же делать? Описать все в дневнике, может, это шок снимет? Ну не водку же глотать, как это практикуют отец с дядькой по субботам – «для снятия трудового стресса». Один инженер-проектировщик, другой бухгалтер – стресс у них, видите ли, от такой работы! А может, просто выбросить из головы этот случай, да и все? Тогда и блок в башке рассосется. А что, интересная мысль. Нет раздражителя, нет и реакции на него. Грамотно? А то! Надо этот вариант обдумать...

Да чего обдумывать-то? И думать нечего! Кому они нужны такие секреты – явно криминальные, да еще так нехорошо на психику действующие? За борт их, за борт...

Если бы Санины мысли в этот момент услышал кто-нибудь из взрослых, он наверняка удивился бы рассудительности паренька и странной уверенности, что тот сумеет не думать и даже забыть о таком серьезном происшествии. Но никто со стороны его не слышал, а сам Саня оценить свое душевное состояние и адекватность мышления не мог.

«Все, решено: никому и никогда, даже предкам! Решил и забыл, по-мужски, намертво...»

На душе сразу стало легче, и даже привычное прикосновение к родинке не вызвало очередного приступа юношеского раздражения. Да и бог с ней. Не по родинкам на румяных щечках о возрасте судят, а по делам и способности выполнять решения...

Глава 1

05 июля, 7 часов 30 минут

...Это верно. Решения. Все в жизни зависит именно от способности человека принимать решения. Пусть ты ошибался, но это было твое решение, и тут важнее, выполнил ты его или нет, а не то, каким оно было. Александр пригладил все такие же непослушные вихры и тронул родинку на щеке... О том, что случилось тогда на проспекте, он так никому и не рассказал. Он даже не рассказал, что был на месте происшествия. Никому, даже Лене. И правильно сделал, наверное. Судя по тому, какую отсебятину несли позже телеканалы, дело было нерядовым и, возможно, касалось какой-нибудь секретной операции спецслужб. Ну и ладно. А с чего вообще сейчас вдруг вспомнился тот странный и жутковатый июльский денек? Июльский... Ну точно! Это случилось как раз пятого июля. Ровно десять лет назад.

За прошедшие годы произошло много интересного, а порой и загадочного, так что приключение на проспекте как-то отшлифовалось, потеряв часть наиболее неприятных деталей, и превратилось в обычный файл долгосрочной памяти, почти не отличимый от файлов прочих событий. Почти... Конечно, за все следовавшее десятилетие Саня, а теперь уже Александр Барков, ведущий специалист фирмы «Мобисофт», попадал в разные щекотливые ситуации, но ни одна из них все-таки не была настолько опасной. Ну, может быть, кроме случая, когда поехал с ребятами после третьего курса в горы и едва не попал под лавину. Или та неприятность, уже после университета, когда на скользкой дороге его машину едва не занесло под встречный «КамАЗ». Но и в первом и во втором случаях все обошлось. А больше ничего такого и не вспоминалось. Кулачные бои Саня всегда выигрывал без особых потерь, черный пояс все-таки, с законом был в ладах, а карьеру делал головой, никому не перебегая дорогу, так что особых врагов не нажил и, следовательно, никаких гадостей ему никто не устраивал. Так что, если разобраться, «файл» с происшествием десятилетней давности все же не был рядовым. Просто не слишком приятными были воспоминания, вот Александр и постарался задвинуть их подальше, не в силах стереть из памяти вовсе. К чему лишний раз себя расстраивать? В суматошных и стремительных водоворотах современной жизни можно остаться на плаву лишь будучи непробиваемым оптимистом и человеком, предельно увлеченным своим делом. Вот к этому состоянию и надо стремиться. Баркову повезло: дело ему досталось как раз по душе, да и оптимизма в жизни хватало. За первое спасибо спортивному воспитанию, а также генам – скорее дедовским, чем отцовским, – с характером и упорством в достижении целей у Александра всегда был полный порядок. За второе особая благодарность маме, научившей относиться ко всему легко, а еще друзьям – сплошь развеселым балбесам, даже в двадцать семь умеющим радоваться жизни, как дети. Ну и, конечно, Лене – первой любви, вопреки правилам не ставшей несчастной, более того, вот уже два года как законной супруге и год как матери Саниного ребенка. А уж этот-то весельчак – карапуз с улыбкой до ушей – и вовсе воплощение заразительного оптимизма. Как солнышко в безоблачном июльском небе...

Звякнул сигнал кофеварки, и Барков отвлекся от размышлений. Варить кофе в турке на открытом огне он так и не научился, хотя в его кругу натуральный кофе считался обязательным утренним напитком. Александр вообще больше любил чай и после работы обязательно заваривал ароматный «Ахмад», но по утрам все-таки отдавал дань корпоративной традиции и пил кофе, правда, растворимый: ложка кофе, ложка сахара. Помешивая «Нескафе», он подошел к широко распахнутому окну и сощурился от косых, но ярких и уже горячих лучей

восходящего солнца. Им не мешали ни два высоченных крана, ни растущий на глазах каркас будущего здания очередного отделения Сбербанка, который возводили напротив Санного дома проворные китайские строители. Маленькие, одетые в оранжевые робы и белые каски фигурки деловито сновали по металлическим балкам, мгновенно выполняя громогласные команды нескольких бригадиров, одетых в те же оранжевые комбинезоны, но на фоне гастарбайтеров кажущихся настоящими богатырями. Особенно выделялся прораб: грузный мужчина в «командирской» красной каске и с электронным планшетом в руках. Он зычно выкрикивал распоряжения, которые тут же, сдобрив порцией мата, транслировали бригады. Особой нужды в сопровождении слов вроде «вира» или «майна» идиоматическими послесловиями не было, наоборот, с точки зрения Саши, все эти «тра-та-та...» мешали, но трудностей с пониманием у импортных рабочих не возникало. В тонкостях ненормативной лексики «хани» разбирались не хуже русских бригадиров.

Александр сделал осторожный глоток. Кофе был пока слишком горячим.

А все-таки жаль, что вырубили шелестевший на этом месте скверик. Он был небольшим, росли в нем проклинаемые всеми в мае и июне – сначала из-за липких почек, а позже из-за обильного пуха – тополя, но все равно скверик радовал глаз и вносил свою минимальную лепту в поддержание нормального газового состава душной городской атмосферы. На карте Москвы оставалось все меньше зеленых пятен, а растущие не по дням, а по часам небоскребы преграждали путь ветрам, да и ограничения на движение автотранспорта и экологические нормы для двигателей не выполняли своего назначения, в разгар лета город просто задыхался. Уплотнение застройки при таком положении дел казалось шагом по меньшей мере неразумным, но такова жизнь в большом городе. Столица – ничего не попишешь. Сердце державы, а заодно и ее мозг. Теснота, суeta и дороговизна – вот цена обитания в гуще событий и одновременно залог преуспевания. В современном мире, конечно, можно жить где угодно – технологии позволяют не чувствовать себя на обочине цивилизации независимо от места жительства, но хитрость в том, что это именно «чувство», иллюзия, существование, доведенное до кондиции виртуально. Пока ты в сети, ты причастен к мировым процессам, независимо от фактического положения в пространстве, но стоит вернуться в реальный мир, и ты сразу что-то теряешь. Например, время на перелет до столицы, чтобы потрогать нужную тебе вещь своими руками, или пообщаться – не в режиме видеоконференции, а вживую – с партнерами по бизнесу, или помелькать в нужной компании на важном сейшене. Что ни говори, а это важно: пожать руку, пообедать за одним столиком, выпить в ознаменование удачной сделки шампанского. Сетевое общение, пусть и с применением новейших 3D-технологий, этого не заменит. Изображение, даже объемное, есть изображение, иллюзия, а в делах на иллюзии лучше не полагаться.

Взгляд скользнул дальше по улице и наткнулся на яркую иллюстрацию к последним мыслям. Рекламный щит на слепом торце старинной пятиэтажки, зажатой между двумя новыми высотками, щеголял как раз примером 3D-технологий. Объемная желто-красная эмблема и горделивый слоган, казалось, висели в воздухе. «МТС – 30 лет с вами!» Выглядело солидно. Снова вспомнился покосившийся щит на бетонной опоре и помятый «Лексус» у ее основания. Кто бы тогда мог подумать, что спустя десять лет Александру повезет стать ведущим специалистом основной, после концерна «Сименс», фирмы – партнера этих самых МТС? Да, тогда о такой удаче можно было только мечтать. Впрочем, конкретно пятого июля контуженому и перепуганному вихрастому Сане было не до мечтаний...

Рука потянулась к затылку, будто бы собираясь стереть капли чужой крови. Александр отдернул руку и старательно «зазиповал» вновь ожившие воспоминания. Было и прошло. Понятно, что такие психологические травмы бесследно не проходят, но не постоянно же об этом думать.

Барков встряхнулся, в два глотка допил кофе и вышел из кухни. В прихожей на полочке его ждал новенький смарт, полностью настроенный и готовый к работе. Любовь Александра к таким машинкам, зародившаяся еще в юности, не иссякла и поныне, даже получила дальнейшее развитие. Ведь «Мобисофт» занимался как раз совершенствованием мобильных сетей и экспертной обкаткой новых моделей, пришедших на смену сотовым телефонам смартфонов, или коротко – смартфов, и Барков стал ценным специалистом в этой области. Из всех очевидных преимуществ своего служебного положения Александр наиболее ценил то, что в море ежемесячно появляющихся на рынке новинок может выбрать лучшую. Безусловным хитом августа, по мнению Баркова, должен был стать смарт «VS-14X» от «Моторолы». Его-то он и обкатывал. Пока что претензий к умной мобильной игрушке у него не было. Все заявленные производителем функции она демонстрировала исправно, а режим видеоконференции вообще превосходил все ожидания: качество картинки и звук давали сто очков вперед любой модели конкурентов.

Дольше задерживаться в прихожей повода не было, но Александр все равно еще с минуту постоял, прислушиваясь к звукам. В гостиной едва слышно тикали старинные кварцевые часы, а из спальни доносилось и вовсе еле различимое посапывание. Сегодня Лена провожать не вышла. Барков-младший всю ночь капризничал. У Олежека прорезался очередной зуб, и успокоилось семейство только под утро. Папаша-то спал как слон, а вот маме досталось, и потому Барков-старший никаких претензий к жене не имел. Пусть Лена хоть немного поспит. Этот бармалей ведь проснется часов в девять как ни в чем не бывало, а она будет весь день ходить, словно вареная. Тяжкая женская доля... которую женщины охотно взваливают на свои хрупкие плечи, а потом несут, периодически возмущаясь, что мужья им мало помогают. И бесполезно спорить, доказывая, что все не так, что в свободное время ты готов помогать, но от тебя нельзя требовать большего – это может повредить работе, а значит, благосостоянию семьи. Слушают, соглашаются и снова гнут свое... А попробуй напомнить, что рожать детей и хранить очаг им предписано природой, так и вовсе закатят скандал. Вот и пойми их попробуй.

Александр вздохнул, вышел из квартиры и аккуратно прикрыл за собой дверь. У него и в мыслях не было обижаться или обвинять в чем бы то ни было жену, но с рождением сына их отношения стали немного нервными, что ли. Может быть, потому, что Лена постоянно недосыпала и ей по горло надоели пеленки и однообразные домашние хлопоты. А может, была еще какая-то причина, которую Барков, в силу занятости или просто «мужского склада ума», не улавливал. Наверное, стоило сесть вечером и поговорить, но все как-то не складывалось. То Александр задерживался на работе и приходил, когда жена была уже не в состоянии долго беседовать, то находились неотложные домашние дела, или просто не было настроения.

«В субботу, – решил про себя Саша. – Подкинем Олежку родителям, а сами сходим куда-нибудь, расслабимся и поговорим. Иначе скоро совсем перестанем друг друга понимать...»

Под козырьком подъезда было еще относительно прохладно, но стоило выйти на улицу, и на голову тотчас обрушилась тяжелая, как расплавленный свинец, жара. Несмотря на раннее утро, июльское солнце было неумолимо: асфальт плавился, а отраженные окнами лучи обжигали, как гиперboloиды инженера Гарина. Два десятка метров до крытой парковки Саша преодолел почти бегом. В гараже дышалось значительно легче, чем на улице, – почти как в подъезде. Здесь всюду трудились кондиционеры и негромко вещал «Серебряный дождь». Саша с облегчением выдохнул. Лето как таковое он всегда любил, но жару не у воды или хотя бы не в теньке переваривал с трудом. По пути к месту, где стоял его «Ниссан», Александр коротко кивнул охраннику и раскланялся с Аллой, эффектной блондинкой, а по совместительству – соседкой с пятого этажа. Она, как всегда, загадочно улыбнулась и, томно вытянув точеную ножку, мягко и грациозно «влилась» внутрь своей «Хонды». Саша

невольно проводил ее взглядом и с трудом заставил себя отвернуться. Они почти всегда выходили в одно и то же время, и еще ни разу Алла не забыла немного его подразнить. Впрочем, может быть, так она дразнила не только его, возможно, это ее стиль, только легче от этого не становилось. Саша старался одергивать себя, но каждый раз был вынужден признать, что Алла ему нравится. Не так, чтобы забыть обо всем и закрутить с ней роман, но и не обращать на нее внимания он был не в силах. Особенно тяжело стало летом, когда соседка свела свой гардероб к прозрачному минимуму, а у Барковых начались проблемы в интимной жизни. И Алла это будто бы чувствовала. Вот еще одно необъяснимое женское качество – тончайшее чутье на ситуацию. Лена, видимо, тоже что-то такое улавливала, и хотя прекрасно знала, насколько необоснованны ее подозрения, все равно нервничала. А нервничая, невольно отдалялась от мужа, сосредоточивала внимание на Олежке и заставляла хмуриться Саню... Замкнутый круг какой-то!

Барков плюхнулся за руль своего серебристого «Следопыта» и, вздохнув, проронил кисло: «Привет, „Нюся“. Машина мгновенно проснулась. Она завела двигатель, включила все нужные приборы, связалась с сервером дорожной сети, проложила оптимальный маршрут в обход уже успевших сформироваться пробок и ненавязчиво обняла хозяина автоматическим ремнем безопасности. Для поднятия настроения она включила „Юнитон“ – любимую хозяйскую радиостанцию. Утреннее шоу на этой волне Баркова не раздражало. Пожалуй, единственное во всем эфире, да и в сети.

Пока Александр вырливал из гаража, ведущие дважды удачно пошутили, и настроение начало выравниваться. До значительного улучшения и того самого, столь нужного на работе, «трудового оптимизма» было пока далеко, но уже не так, чтобы очень. В чем, в конце концов, проблема, если подумать? Реально, трезво, без раздражения и выдумывания несуществующих преград? Да в элементарной усталости. Две недели на сочинских пляжах, и все снимет как рукой. Надо только потерпеть десять дней. Билеты уже заказаны, гостиница забронирована, насчет Олежки с родителями все оговорено, море ждет. Пятнадцатого утром на самолет и после обеда – с головой в солоноватую лазурь. А вечером будет романтический ужин при свечах, а за ним последует бурная ночь. А утром снова пляж: солнце, золотой песок, неторопливый шелест волны, аквабайки, дайвинг, а также прочие развлечения и водные процедуры. Потом ночной клуб или что-то еще... И так две недели. Растворятся в соленой воде глупые бытовые неурядицы, успокоятся на жарком солнышке нервы, тело покроется ровным южным загаром, будто броней от всех огорчений, а то, что сейчас случается нечасто и однообразно, снова превратится в страсть и обретет привкус романтических фантазий. Осталось потерпеть всего-то десять дней. Ближе к обеду надо будет позвонить Лене и напомнить ей об этом. Предвкушение праздника поднимает настроение ничуть не хуже самого праздника.

В эфире зазвучала забойная смесь рэпа и металла. Сразу после модного «сладкоголосья». Саша усмехнулся. Студия «Юнитон», как всегда, непредсказуема. Что значит свежая голова. Эта станция появилась в столичном эфире совсем недавно, до этого она вещала в сети, а напрямую в эфир выходила только где-то за Уралом. Но как только появилась, сразу поколебала все стереотипы. В этом и прелесть.

Новые подходы – двигатель прогресса, кому, как не нам, это знать. Еще двадцать лет назад наша страна была огромным складом сырья, а теперь считается одной из ведущих технологических держав. И все это сделали новые подходы. Не переключивание с места на место «кубиков» в фундаменте экономики и не разрушение этого фундамента под видом его перестройки, а реально новые подходы, поднявшие индекс RUSOFT выше всяких NASDAQ и NIKKEI, вместе взятых. Главную роль в этом «Русском чуде» сыграла, конечно, всего одна технологическая группа, создавшая знаменитый «Networld», но, не будь в стране базиса, не было бы и «чуда». Толчок, направленный в пустоту, в ней и пропадет. Если нет массы,

которую требуется сдвинуть, не будет и движения, хоть затолкайся. К тому моменту, когда новые подходы проектировщиков системы «Networld» обрели конкретные очертания, российские фирмы, специализирующиеся на высоких технологиях, уже заработали авторитет среди специалистов, но, как всегда, страдали от недостатка финансирования. То есть, говоря проще, предлагали продукт того же качества, что и западные коллеги, только на порядок дешевле и были готовы к любому риску. Так все и случилось. «Networld» послужил толчком, а «hi-tech»¹ с клеймом «Сделано в России» – массой. А ровно через год на мировых биржах появился новый индекс, отражающий котировки ценных бумаг российских высокотехнологичных компаний, – РУСОФТ. Прошло еще пять лет, и зубовный скрежет на обоих побережьях Тихого океана начал заглушать шум прибой. И когда проект «Networld» превратился в глобальную реальность, конкуренты поняли окончательно – с русскими теперь придется либо воевать, либо вести цивилизованный бизнес и конкурировать на равных. Воевать с нами было опасно даже в худшие для России времена, а теперь стало и вовсе страшно – хотя бы из-за того же «Networld». Ведь главные электронные блоки новейшей глобальной спутниковой сети были строжайшим секретом российских производителей. Примененные в них новейшие технологии позволяли создавать миниатюрные, но полноценные спутники, совместившие в себе как функции связи, так и шпионскую начинку. Они имели буквально копеечную себестоимость и минимальный вес – один космолет класса «Байкал» выводил на орбиту сразу тысячи аппаратов. Развернуть при таких условиях глобальную сеть оказалось делом нескольких взлетов-посадок. Пришлось, конечно, повозиться с синхронизацией сети и размещением наземных блоков, но это было уже вторичной задачей, как говорится – делом техники. И опять же – техники отечественного производства...

Скажите – похоже на сказку, утопию, заподозрите подвох? Правильно сделаете. Никто не отдал бы такой проект на откуп русским, пусть изначально это и было их изобретением, если бы использование новейших технологий не являлось крайне опасной затеей. А именно – все дело заключалось в «эффекте Михайлова», который не позволял применять технологии, использованные при строительстве спутников, в прочей аппаратуре. Осторожных западных конструкторов этот эффект даже пугал, причем настолько, что они опасались повторять опыты отчаянных русских.

На слух вроде бы нейтральный до безобидности эффект Михайлова убивал все живое, поскольку, если называть вещи своими именами, был сверхжестким излучением. Возникающее при работе секретных процессоров для мини-спутников излучение проникало сквозь любые преграды, даже сквозь те, что надежно отсекали самые мощные потоки рентгеновских и гамма-лучей. Одно утешало: М-лучи, как их именовали специалисты, легко поддавались стабилизации в особом силовом поле (открытом все тем же Михайловым), что практически исключало побочные явления. Как в прежние времена к процессорам «пристегивались» кулеры, так теперь к каждому М-чипу прилагался полевой стабилизатор. Но никто не гарантировал, что защита не выйдет из строя, вот почему единственное применение новым сверхмощным, но и сверхопасным процессорам нашлось лишь в спутниках. От греха подальше. В прямом смысле. Как говорили сами разработчики, спутниковая сеть получилась «сердитая», зато дешевая, способная прокачивать гигантские объемы информации на предельной скорости и безоговорочно нужная в нашем нестабильном мире. Взять хотя бы полицейский уровень новой сети: от взглядов телескопических объективов тысяч спутников теперь нельзя было скрыться нигде, даже в центре Сахары, амазонских джунглях или Гималаях, а созданные по всему миру филиалы компании «Networld inc.» обрабатывали на своих сверхмощных серверах всю полученную с орбиты информацию за считанные минуты. Далеко можно убежать с места преступления за несколько минут? Поначалу во «всевидящее око»

¹ Высокие технологии.

никто не поверил, но после поимки двух десятков самых одиозных лидеров мирового преступного сообщества и предотвращения девяти из десяти запланированных терактов число скептиков резко сократилось. Как известно, неотвратимость наказания – для преступника лучший сдерживающий фактор, и «спутники глобального обнаружения», как их величали военные, сдерживали любого террориста лучше, чем пудовые кандалы. В эпоху борьбы с терроризмом никакие доводы правозащитников, что «Networld», дескать, нарушает право человека на частную жизнь, не подействовали ни на одно правительство. «Networld inc.» разместила свои временные филиалы на территории практически всех стран. А когда трудная эпоха почти завершилась, «Networld» уже стал неотъемлемой частью глобальных коммуникаций, и ограничивать его возможности из-за каких-то надуманных недостатков никто не захотел. Подумаешь, следит за всеми и всегда! Так даже спокойнее. Если вы честный человек, опасаться вам нечего...

Все это пахло «единым полицейским миром», но все-таки одной глобальной шпионской сети для тоталитарного мироустройства маловато. Требуется еще хотя бы желание применить информацию от «Networld» на практике. А желания ни у руководства «Networld», ни у его службы безопасности – структуры весьма серьезной, не то что инфантильные «голубые каски» или бесправный Интерпол – не было и в помине. И дело не в их кристальной честности, просто корпорация «Networld inc.» существовала как орбитальная станция или корабль в открытом море – условно на нейтральной территории, то есть нигде юридически и одновременно везде по факту присутствия ее филиалов, что и обеспечивало «Networld» независимость и неприкосновенность вкупе с немалым доходом. И это обстоятельство, в свою очередь, гарантировало равный доступ к сети всем желающим, как бы ни хотелось обратного сверхдержавам.

Даже прародине проекта – России – не было сделано никаких поблажек. Например, наши не знали ничего конкретного об устройстве М-процессоров, так же, как все остальные. Поговаривают, что спецслужбы в свое время пробовали надавить на Михайлова и его помощников, но он послал службистов подальше и пригрозил перенести разработки в Штаты. Так что «Networld» не постигла участь ядерных исследовательских программ, и он умудрился-таки стать именно тем, чем его хотели видеть создатели. Конечно, никто не мог гарантировать, что такая идиллия продлится вечно, но, пока у руля «Networld inc.» стоял сам Михайлов и его единомышленники, вероятность смены курса корпорации была минимальной. Разработчики строго следовали принципу «во всеобщее благо», а сотрудники СБ «Networld» в кооперации со спецслужбами на местах следили за правильным использованием сети. В том числе и самими спецслужбами. Так что пока повода для беспокойства не возникало. Во всяком случае, на поверхности темы никаких подозрительных пятен или кругов не плавало. Да оно и понятно. Это только в шпионских фильмах всегда находится Злодей, желающий добиться мирового господства за счет хитроумных приспособлений вроде абсолютного оружия или новейших технологий. На самом деле мировое господство устанавливается иначе и вовсе не за два часа экранного времени. Так что в общественном сознании прочно уложилось: любая, даже полицейская функция «Networld» не страшнее, чем такая же функция обычной телефонной сети, к которой подключена квартирная сигнализация. И, главное, «Networld» не дает никому форы. Все пользователи в равном положении. Ведь те, кто подспудно управлял этим массовым сознанием, понимали, что просто глупо отказываться от возможностей, которые предлагал «Networld». Ну и пусть он следит, пусть его придумали и запустили русские, ну и пусть им теперь приписывают победу в третьей мировой войне – войне с терроризмом. До позерства ли, когда в руки плывет такой куш? В конце концов, есть утешение – правительству России придется хлебать той же ложкой, что и остальным. Ведь корпорация вытребовала для себя независимый статус, став чем-то вроде Ватикана бизнеса. Правда, избавившись от повинности платить кому бы то ни было

налоги и обязавшись держать отчет только перед ООН, «Networld inc.» осталась по большей части русской компанией: вся научная, экспериментальная и производственная база, основная масса рабочих рук и мозгов, половина комплектующих, материалов, сырья и почти вся космическая техника – все это арендовалось у исторической родины и приносило последней немислимый доход. Таким образом, Россия все-таки получила некоторые преимущества, но они не имели отношения к непосредственному доступу или работе сети, а потому не ставились нам в упрек даже американским конгрессом. Более того, при всей своей детской заносчивости и амбициях первыми в ситуации сориентировались именно американцы, а уж за ними потянулись осторожные японцы и все остальные. Когда в открытый русскими учеными и предпринимателями «клуб» вступили все, кто мог себе это позволить, проект заработал на полную мощь...

«Вот так и стали мы снова Великой Державой. Только не нищей и злой Красной империей, как полвека назад, а нормальной – уже почти сытой и самодостаточной. До Штатов, конечно, пока не дотягиваем, но уже близко к тому. По крайней мере благами высокотехнологичной цивилизации наслаждаемся в полной мере, не то что раньше. Недостатками, впрочем, тоже „наслаждаемся“. Например, такими, как перенаселенность больших городов. Со всеми вытекающими последствиями...»

Барков взглянул на дисплей бортового компьютера. Маршрут «Нюся» проложила не самый короткий, но иначе объехать пробки на Ленинградском было невозможно. Пробки... Вот она, вечная проблема. Даже мощные компьютерные программы управления дорожным движением были не в состоянии избавить крупные города от этой напасти. И ведь не сказать, что пробки появились исключительно в последние годы, когда на каждого москвича стало приходиться по машине. Они были, наверное, всегда. Но вряд ли где-нибудь на рубеже веков выражение «застрять в пробке» означало стопроцентно остаться на весь день без машины. Хотя кто знает? Отец ни о чем таком не рассказывал, поскольку выезжал на своем драндулете лишь по выходным, затемно, и ездил только в сторону дачи, не приближаясь к Кольцевой на пушечный выстрел, а сам Саша тогда еще не понимал, что это за зверь – «трафик». Но, наверное, пробки были все-таки не «глухие». Барков отлично помнил матерящийся из окон, сигналящий на все голоса, но медленно продвигающийся транспортный поток. Тогда все это безобразие его только радовало – была возможность получше рассмотреть какие-нибудь дикийные машины. Теперь особой радости он не испытывал. Основательные, непроходимые, многокилометровые пробки начинались задолго до того, как Ленинградское шоссе переходило в проспект. Практически сразу после старой Кольцевой дороги поток транспорта превратился в тягучую, горячую массу и начал притормаживать. Окончательно потерял «центростремительный» импульс он примерно на середине моста через Химкинское водохранилище. Рвануть по не столь загруженной встречной полосе мешал металлический барьер, протянувшийся посередине моста, и автомобилисты смиренно жались бампер к бамперу. А что поделать, если застрял? Объехать трудный участок было можно, но не когда уже попал на него. Решение следовало принимать гораздо раньше, еще перед МКАД. Там даже знаки такие стояли: «Точка принятия решения». Теперь же только и оставалось, сучая, глядеть на воду, встречные машины (тоже плетущиеся абы как), натканый по берегу часток высоток, на вереницы винтокрылых аэротакси в синем небе и далекие остатки зелени почти исчезнувшего Химкинского лесопарка. Ну, еще иногда чуть касаться педали, чтобы продвинуться вперед на несколько метров; с каждой минутой все отчетливее понимая, что это движение никуда. Пробка и не думала рассасываться, даже наоборот, становилась все плотнее и неторопливее.

Барков взглянул на часы. Сегодня затор бил все рекорды: потеряно семнадцать минут чистого времени маршрута. Если на проспекте пробки не будет, успеть к девяти ноль-ноль реально, но вряд ли стоит рассчитывать на такую удачу. Пробка будет и там, непременно.

Начиная от улицы Правды и до Бульварного кольца. А объезд – это восемь с лишним километров, и тоже отнюдь не по прямой, да с ветерком.

– Что же ты, «Нюся»? – Саша покачал головой. – Не рассчитала? Эх, ты. Ну ладно, рули теперь. Автопилот.

Бортовой комп «Следопыта» виновато пискнул, включая режим «парковка и движение в пробке». Александр с чистой совестью отпустил «баранку» и убрал ногу с педали. Теперь двигаться в тягучем потоке «Нюсе» предстояло, ориентируясь на сигналы сонаров и на указания сервера ДПС.

Саша открыл смарт и вызвал офис. Утренняя летучка еще не началась, но обычно в это время большинство ведущих сотрудников уже сидели в зале для совещаний. Сегодня и тут все вышло за привычные рамки. Компанию уткнувшемуся в комп шефу составляли только двое из десяти начальников отделов и Настя, его секретарь-референт. Все остальные еще подтягивались.

– Ты где? – негромко спросила Настя, делая круглые глаза. – Уже без пяти!

– Ты же знаешь наше движение, – Барков развел руками. – Застрял на Ленинградском мосту.

– Ты с ума сошел! – охнула секретарша.

Такое непосредственное удивленно-возмущенное выражение лица ей шло. Оно делало «девушку с обложки» какой-то более мягкой и земной. Да ей вообще все шло. И удивление, и улыбка, и негодование, особенно когда оно относилось к неслужебным ситуациям, например если кто-то из сотрудниц позволял себе приобрести помаду похожего на Настин тона или опережал ее в покупке последних моделей дамской деловой одежды. Саша поймал себя на том, что думает о посторонних женщинах уже второй раз за утро. Нет, определенно надо было что-то срочно менять. Не тянуть до субботы и не надеяться на благотворное влияние отпуска, а прямо сегодня. Купить по дороге домой цветы, бутылку чего-нибудь белого полусладкого, например простенького, но любимого Леной «Токая», и устроить посиделки тет-а-тет. Если, конечно, Олежка не закатит новый концерт.

– Что я могу поделать? – Барков вздохнул. – Тут такая пробка. К обеду бы выбраться.

– В двенадцать переговоры с питерцами! – все так же мило возмущаясь, напомнила Настя.

– Я помню, но...

– Никаких «но», – оторвался от своих занятий шеф.

Канал переключился, и вместо прекрасного Настиного лица на экране возникло лицо шефа: мясистое, с крупным носом и густыми седеющими бровями. Строгий взгляд, не предвещавший, казалось, ничего хорошего, сверлил Сашу долгих десять секунд, но затем смягчился. К Баркову шеф относился хорошо, хотя на неофициальных вечеринках для директора и менеджеров, покрасневшись от любимой «Немировки», непременно отпускал какую-нибудь шуточку в адрес самого молодого, но весьма перспективного специалиста. Саша воспринимал юмор нормально, тем более что шефа обычно не заносило. Единственное, чего Барков никак не мог понять, почему Евгений Иванович в шутку называет его «хитрым Лукой» и при этом загадочно шурится.

– Вы взгляните, Евгений Иванович, какая тут зад... э-э... затор какой. – Александр переадресовал спутниковую картинку, полученную смартфоном с сервера ДПС, на комп шефу.

– Будь на связи. Не ты один сегодня застрял, видишь же, в каком составе мы здесь кукуем.

– Само собой, только, боюсь, я и к встрече с питерцами не успею.

– Успеешь, я подумаю, может, вертушку вышлю.

– А-а, тогда другое дело, – обрадовался Саша. – Только отправьте, пожалуйста, «козла», мне вечером машина понадобится.

– А в метро потолкаться уже не по рангу? Там тебе до «Речного вокзала» минут двадцать пешего ходу, – шеф усмехнулся.

– Издеваетесь? – Барков взглянул на шефа исподлобья.

– Ладно, будет тебе «козел». Одни расходы с вами... – ворчливо добавил тот.

Расходы... Кто ж виноват? Сам-то Евгений Иванович из своего Абрамцева летает в президентском «Ка-70», ему, конечно, все эти пробки до фонаря-обтекателя. Ему и еще Насте, а также двум его замам, которые живут в том же теплом местечке и летают на работу с шефом. Но прочие сотрудники, даже начальники отделов, вынуждены передвигаться по земле и испытывать на себе все прелести утренней городской жизни. Вот купила бы фирма пассажирский «Ми-89», не было б таких проблем. Облетел, всех собрал, благо вертолетных площадок в каждом районе уже по десять штук понастроено, и весь коллектив на месте ровно к девяти. Никого не надо эвакуировать из безнадежных заторов. Красота! Даже необязательно покупать, можно просто заключить договор с «Аэроклубом» или «Домодедовским аэротакси». Получится дешево и сердито. Вот соседи, занявшие первые десять этажей офисного здания напротив, давно так сделали. А Евгений Иванович все жмется, все что-то там высчитывает. Что высчитывать-то? Арифметика за первый класс. Эвакуатор стоит тысячу евро в час, большое аэротакси – всего двести. В месяц эвакуировать «козлом» – грузовым вертолетом, больше похожим на летающую раму от велосипеда, со специальными захватами на том месте, где у прочих вертушек расположен пассажирский салон, – приходится раз двадцать как минимум. В денежном выражении это то же, что и сто часов работы аэротакси. Развезти десять-двенадцать человек по трем-четырем базовым площадкам – получится как раз около часа. Собрать – не дольше. Получается два часа в день, а рабочих дней в месяце обычно около двадцати, то есть обойдется все удовольствие тысяч в восемь, ну, пусть даже в десять. Вполовину выгоднее, чем каждый раз вытаскивать застрявшие машины из пробок «козлом». Что же касается «потолкаться в метро», тут шеф просто неуклюже пошутил. В подземке давно никто не толкается. Там граждане идут плотным несокрушимым потоком, не допускающим никаких вибраций, а уж тем более столь значительных по амплитуде колебаний, как «толкание». Руки по швам, голову повыше, и только мелко перебираешь ногами, постепенно «отрабатывая» в нужную сторону, как пловец на стрежне. Нет, для поездок в метро требуется особый навык и ежедневные тренировки. В целом такие навыки, конечно, никогда не забываются, но без тренировки соваться в метро все-таки противопоказано. Разве что в «мертвый час», где-нибудь с трех до четырех пополудни...

– Господа, время, – прощбетала Настя.

Барков включил режим видеоконференции и пробежался по каналам опаздывающих товарищей. Выяснилось, что безнадежно застрял только он. Все остальные кое-как, но пробрались к офису, шестеро даже по-прежнему на машинах. Только Вася Климов, начальник отдела автоматизации, бросил свой кондовый «мерс» на Малой Дмитровке и топал пешком. Проводить совещание, когда большинство участников поминутно отвлекаются, было не очень удобно, но шеф был неумолим. Дисциплина и твердый порядок во всем, таким было его управленческое кредо. А мелочи, вроде виртуальности присутствия на летучке семерых из десяти подчиненных, волновали его в последнюю очередь. Да, в общем-то, на сегодня особых заданий он никому не приготовил, а потому присутствуют сотрудники на совещании или слушают вполуха и смотрят вполглаза, будучи реально в десяти кварталах от офиса, решающего значения не имело. Главным событием дня планировались переговоры с питерскими партнерами, а в этом мероприятии, кроме шефа и его первого зама, предстояло участвовать только Баркову. Потому и «козла» к нему выслали.

Саша выглянул из машины, изучая лазурную высь. Вертушек в ней кружило, что мух над медом, но к Сашиному «Следопыту» пока ни один из винтокрылых аппаратов не снижался. Ближе всех к месту зависли три вертолета. Один, с размашистой надписью во весь

борт: «Сеть закусочных „Подорожник“, высаживал на тротуаре десант бодрых торговцев в желто-зеленых футболках, шортах и кепках. Едва спрыгнув на землю, они тут же подхватывали вместительные торбы-термосы и расползались по всем щелям между машинами, предлагая стандартный набор для скушающих в пробке автолюбителей: холодные напитки, бургеры и всякие сладости. Второй и третий вертолеты были эвакуаторами, но прилетели они не за Александром.

– Кола, лимонад, бутерброды, салаты...

– ...Из лопухов и подорожников. – Саша перевел взгляд на возникшего у двери паренька в зеленой кепке, на вид – старшеклассника или студента-первокурсника, и отрицательно покачал головой. – Не надо, спасибо.

Ничуть не огорчившись, парень поднял набитую снедью сумку над головой и протиснулся к следующей машине. Работенка – не позавидуешь. Потолкайся вот так на солнцепеке. Хотя в таком возрасте честные деньги трудно заработать иначе. Только если ты компьютерный гений или спортсмен.

Взгляд снова переместился на небо – пока пусто, в смысле не видно вертушки с позывными «Мобисофт» – и вернулся к смарту. Как выяснилось, шеф раздал уже почти всех «слонов», кроме тех, что причитались Васе и Баркову.

Василия шеф отсылал в Ярославль, на экспертизу нового оборудования. Климов слабо сопротивлялся. Он прекрасно понимал, что сопротивление бесполезно, но очень уж ему не хотелось выдвигаться в такую даль на машине (которую еще предстояло выручить из затора на Дмитровке) или поезде, а фрахтовать самолет – смешно; не успеешь взлететь, уже садиться. Дураку понятно, что Вася пытался выклянчить у шефа вертушку. Но в конторе у Евгения Ивановича дураков не держали. Климову светил монорельсовый экспресс, максимум – служебная «Тойота».

– И без разговоров, – строго закончил шеф. – Командировочных не жди. Не вернешься к вечеру, будешь оплачивать гостиницу из своего кармана. Все документы уже в твоём смарте. Деньги на билет Настя перевела тебе на «Визу». Как приедешь в офис, бери представительский кейс и сразу поднимайся на площадку. Моя вертушка добросит тебя до вокзала.

– Стоит ли утруждаться, тут и пешком недалеко, – обиженно пробубнил Климов. – Вот если бы сразу до точки...

– Если керосин оплатишь, – отрезал шеф. – Все, отключайся. Кто остался? А-а, да, Барков. Ну, тебе-то главное выбраться из ж... э-э... пробки. Не прилетел еще спасатель?

– Нет вроде... – Саша выглянул и вдруг увидел зависшую над головой раму с вентилятором. – Прилетел! Сейчас подцепит.

– Ну и славно, – шеф удовлетворенно кивнул. – Явишься, поговорим.

– Хорошо...

Саша дал отбой и вытянул шею, наблюдая, как эвакуатор берет его «Следопыта» в захват. Все происходило автоматически, от пилота вертушки не требовалось ничего, кроме ювелирного захода на цель. Дальше за дело принимался бортовой компьютер. По его команде из-под тощего брюха, а если точнее – из толстого хребта вертушки, выдвигались четыре манипулятора, которые ловко находили под порогами машины специальные замки и надежно закреплялись в их стальных гнездах. Вот и вся процедура. Затем – отрыв и полет образовавшейся сцепки в заданную точку. Ничего сверхъестественного.

Момент отрыва был, наверное, самым захватывающим, но Барков его не любил. «Нюся» тоже была не в восторге. Она предупредила, что функционирует в нештатном режиме, намертво заблокировала двери и окна, зафиксировала колеса и рулевое управление, а затем крупно вывела на приборный дисплей показания гироскопа, внешнего термометра, включила альтиметр и датчики забортного давления. Все это было вовсе не обязательно, но в психологическом плане правильно. Должен же превратившийся в аэропассажира водитель

хоть на чем-то фиксировать взгляд. Гибридный движок под капотом уснул, а потому тахометр и спидометр обнулились, одометр тоже бездельничал, хотя километры за кормой оставались, – ну, так пусть приборы хотя бы высоту показывают. Саша усмехнулся. Ему-то все ухищрения японских автоконструкторов были интересны, как бразильцу хоккей. Вот смарт испытать на высоте километра над уровнем моря – это дело. Барков снова вошел в сеть ДПС и затребовал новый вид сверху, дабы зафиксировать для отчета – вертушка-эвакуатор была необходима. Пробка внизу немного перестроилась, но все равно оставалась длинной и плотной. Часть дорогих машин уже болталась под хребтами стрекочущих «козлов», неторопливо уплывающих во всех направлениях, а часть терпеливо ждала своей очереди или, может быть, просто никуда не спешила. В современных авто бизнес-класса можно было нескучно провести весь день. И это даже если не брать в расчет простейшие радио и телевидение. Многие машины были оборудованы очень приличными компами с выходом во все сети: от простых мобильных до продвинутых, с подзарядкой для смартфонов на несущей частоте, и от классического Интернета до информационных уровней спутниковой сети «Networld», которую отечественные «юзеры» уже успели переименовать в «невод». Кроме того, во многих «японцах» были установлены и мини-бары, и даже затейливо сконструированные биотуалеты. В столь комфортабельных условиях не проблема и в пробке поторчать. Но таких машин на дороге набиралась едва ли половина. Производители примерно трети «европейцев» и девяноста процентов отечественных «самокатов» исповедовали одноразовую практичность, если не сказать примитивизм. Кондиционер, телеаудиосистема и простейший навигатор – вот и все удобства. Связь на совести хозяйского смарта. А главное – никаких замков для авиаэвакуации. То есть даже если владелец такого корыта и наскребет нужную сумму, улететь из пробки ему удастся только вниз, с моста.

«Вот вроде бы все постепенно налаживается, – Саша с горькой усмешкой покачал головой, – а в этом плане как были мы у пса под хвостом, так и остались. И оружие лучшее делаем, и в космосе снова хозяйничаем, и высокие технологии двигаем, дай бог как, даже нормальные дороги научились строить, а два пунктика как иголки в сиденье – футбол и машины. То ли рок висит над ними, то ли воруют там больше, чем везде...»

Барков вырубил картинку и взглянул вниз своими глазами. Мост уже закончился, но пробка осталась. Правда, здесь, на берегу, она рассасывалась не только за счет «хирургического» удаления из ее металлического тела отдельных элементов. Вертолетам помогали предусмотренные на такой случай во всех проблемных местах системы временной бесплатной парковки. Недорогие машины из крайних рядов въезжали на тротуары, вставляли на прямоугольные металлические платформы и медленно опускались на этих лифтах в оборудованные под шоссе паркинги. Взгляд переместился на ближайший выход из подземного гаража. Оставив своих железных коней на попечение муниципалитета, незадачливые автомобилисты тянулись длинной вереницей в сторону ближайшего метро. Не повезло мужикам. Мало того что придется толкаться в душной подземке, так еще и вечером сюда тащиться: бесплатно на временной парковке машины стояли не больше суток, а потом – два евро в час.

Ну да это их проблемы. Барков устроился в кресле поудобнее и приготовился наслаждаться видами. Зрелище впечатляло, сколько ни смотри. Общей картины не портил даже смог. Впрочем, сегодня его почти не было, это постарался настойчивый юго-западный ветер. Внизу проплывали современные жилые высотки всевозможных архитектурных стилей, серебрились узкие проблески водоемов, зеленели полосатыми газонами вытянутые блины стадионов, теснились доминошные костяшки старых спальных районов, а далеко впереди маячили красные башни с золотыми орлами и чуть ближе и правее небоскребы делового центра. Все в опушке зрелой, пыльной зелени и в паутине дорог, улиц, проспектов. А сверху синело обильно посыпанное перчинками вертушек безоблачное небо и сиял

начищенный пятак жаркого солнца. В целом вид вполне подходящий, достойный одной из крупнейших европейских столиц. Азиатских тоже.

Пытаясь сохранить созданный в салоне микроклимат, «Нюся» усилила затемнение стекол и сменила режим вентиляции. С чего вдруг? Саша взглянул на дисплей. Высота почти километр. В пределах нормы, но зачем так высоко забираться? Только горячее жечь. Тут лететь-то всего ничего, можно было и на пятистах долететь. Слева на краю поля зрения показался какой-то знакомый объект – вернее, целая группа объектов, – и, прежде чем в памяти всплыл нужный «файл», Барков осознал, что теоретически не должен был увидеть «это». Саша повернул голову влево и с недоумением уставился на поблескивающие золотом игрушечные строения и фонтаны ВВЦ. Вертушка определенно отклонялась от маршрута, закладывая крюк куда-то в сторону Свиблова. Вот где угодно, но там Баркову делать было уж точно нечего. Может быть, эвакуатор перепутал машины и подцепил Сашину «Нюсю» по ошибке? Барков изогнулся и с горем пополам разглядел тощее брюхо вертушки. Мешало яркое солнце и тонировка стекол, но вроде бы вертолет был таким же, как тот, который обычно вызывали в «Мобисофт». Конечно, «таким же» это – не «тем же», разница существенная, но раньше Барков не слышал о путанице с эвакуацией. В первую очередь ошибаться было невыгодно самим пилотам. Закон о малой авиации ясно говорил: в случае автоматической стыковки ответственность за верную идентификацию груза и его безопасность лежит на перевозчике. Если по-русски – увез не того и не туда – остался без денег, да еще молишь, чтобы на тебя в суд не подали за «киднепинг». Поэтому бортовые компы вертушек проверяли идентификационные номера машины и владельца десять раз еще на полете. И столько же – после того, как сработали замки манипуляторов. Путаница исключена. Сбой в системе? Тоже маловероятно. Тогда что? Действительно похищение? Кому это надо? Александр Барков, конечно, ценный специалист, но не настолько, чтобы идти на такой риск. Да и «Мобисофт» – это не наркокартель, чего ради кому-то начинать с ним тайную войну, за какие такие сферы влияния и сверхприбыли? Чепуха. Просто ошиблись. Перегрелся в вертушке бортовой комп или вирус в транспортной сети завелся, вот и выдала сеть не тот ВИН, а вместе с ним ИНН. А бортовому компьютеру-то что? Ему приказали, он выполнил.

Вертолет продолжал набирать высоту, и «Следопыт» объявил о переходе системы климат-контроля в режим «высоко в горах». Из вентиляционных решеток потек теплый воздух, а на дисплее появились два новых показателя: давление в салоне и процент подкачки кислорода. Альтиметр бесстрастно отсчитывал вторую тысячу, а внизу уплыла назад лента МКАД и потянулись Мытищи. Черт знает что творится! Саша опомнился и схватил смарт. Аварийная функция «связь с ближайшим абонентом» работала, но никто не отвечал. Странно. Неужели у пилота нет смарта или хотя бы мобильного? Это, конечно, возможно, но тогда должен был ответить борткомп вертушки, однако молчал и он. Выяснение отношений непосредственно с «похитителем» откладывалось.

«Пойдем другим путем...» Барков вызвал офис. Может, шеф что-то прояснит. Вдруг ему приспичило устроить встречу с питерцами в каком-нибудь нетривиальном местечке и он дал пилоту команду отвезти Баркова сразу на место переговоров? Что там прямо по курсу: Черкизово, Клязьма, Пушкино, а какие там есть значные места? Ничего толкового в голову не лезло. Да и не мог шеф до такого додуматься. Во всяком случае, предупредил бы. Он бывает не прочь пошутить, но сегодня ему не до того, гарантия – сто процентов. Что же происходит?

Саша попытался дозвониться по другим номерам. Настя... молчок. Климов... тоже тишина, первый зам шефа Скляренко... не отвечает. Неужели смарт сломался? Не может быть, чтобы все разом отключили свои аппараты. Надо проверить. Куда-нибудь позвонить... например, домой... Лена, возьми трубку! Я понимаю, что ты не выспалась, что возненавидишь меня и будешь дуться до самого вечера, но это очень важно! Молчок. Вызов идет –

ответа нет. И мажордом звонок не перехватил, хотя должен был включиться после пятого гудка и выполнить любую волю хозяина. Например, показать ему виды всех комнат и врубить на полную громкость стереосистему или телевизор в спальне, чем и разбудить задряхшее семейство. Что за мистика? Попробовать через сети? Выход в «и-нет»... так... как это «заблокирован»?! С ума сошли, что ли?! От расстройства Саша даже плюнул на осторожность и попытался влезть в переговоры военных, был у него припасен на крайний случай один специальный код, но ничего не вышло и тут. «Невод»... тот же эффект... Ну, это вообще невероятно! Для чего же тогда нужен этот хваленый «Networld», если не для спасения попавших в критическую ситуацию граждан?! Найти заблудившегося в Арктике лыжника ему, значит, по силам, а помочь жертве похитителей – нет? Но ведь Полицейский Уровень – это самая мощная программа «невода»! Если начистоту, именно для борьбы с преступностью и международным терроризмом весь этот орбитальный огород и городился! Тысячи спутников на стационарных орбитах видели все, что происходило даже в самой дикой и труднодоступной точке Земли. Мало того что они все видели, чувствительные антенны спутников-мониторов просто не могли не принять любой, даже слабейший, сигнал бедствия. И вдруг такой прокол! Ладно, если бы «невод» не реагировал только на сигнал смарта – машинка новая, необкатанная. Но ведь выход в сети и на спутники потерял и комп «Следопыта». Сколько Саша ни пытался, ему не ответил никто, ни в каком диапазоне.

Оставалось последнее средство – лазерная связь с ближайшим постом ДПС при помощи идентификатора машины. Обычно получалось наоборот – когда машина проезжала мимо поста, данные с идентификатора считывали гаишники, но на экстренный случай было предусмотрено и принудительное включение лазерного маяка владельцем авто. Расценивалось это как включенные днем фары – способ привлечь к себе внимание. Правда, внимание не всех подряд, а исключительно постовых. Например, в случае, если машина служебная и спешит по государственным делам (как альтернатива раздражающей общественность мигалке) или вот как сейчас – в случае, если машина захвачена или украдена. В общем, если не сработает и этот трюк, останется только голубиная почта.

– «Нюся», выйди на сервер ГАИ в режиме семнадцать!

На дисплее появилась обнадеживающая пиктограмма подключения борткомпа к сети, и Саша невольно затаил дыхание. А затем разочарованно выдохнул. «Функция недоступна». «Следопыт» снова потерял нюх, а с ним и след. Ну и начался денек. Просто какой-то воздушный цирк. Барков уже без всякой надежды снова попытался вызвать аэрополицию, затем дежурную часть ДПС, перебрал все забитые в память справочника телефоны обычной милиции, еще раз попытал спутниковую связь и окончательно убедился, что кругом полная блокада. Вывод напрашивался однозначный. Кто-то глушил Сашин смарт и систему связи борткомпа «Нюси» со всем старанием и с неплохим знанием дела. Кто и как? Вопрос весьма интересный. Кто-то сидящий в кабине вертушки? Вариант. А вот «как»... Радиосвязь можно забить помехами, а лазерный маяк-идентификатор просто замазать жидким пластиком или залепить куском холодного асфальта. Саша вдруг вспомнил парнишку-коробейника. Например, тот «подорожник», пока проталкивался к следующей машине, незаметно и залепил маяк. Или «вертолетчик» сумел влезть в мозги «Нюсе» и отключить блок идентификации. Да важно ли это сейчас? Способов много. Гораздо важнее понять мотивы похитителей и подготовиться к дальнейшему развитию событий. Каким оно может быть? Для начала – приземление, это понятно. Потом «теплая» встреча. Если с нечистыми на руку конкурентами или их наемниками, придется, наверное, несладко... Нет, все-таки решительно непонятно – какие конкуренты могли пойти на преступление?! Незачем было это делать. Абсолютно незачем! Значит, все-таки ошибка. С одной стороны, это хорошо. «...Ну, ошиблись, братки, с кем не бывает? Хотите, я вам софт подгоню лицензионный за полцены, чтобы не лажаться больше?» Разбежались. А с другой стороны, все может произойти и не так. «...Прости, бра-

тан, ошибочка вышла, но ты слишком много видел...» Две пули в череп – и в Клязьму. Если запахнет таким исходом, придется вспомнить все, чему учил сэнсэй. Не трястись же холодцом.

Барков сжал-разжал кулаки и помассировал запястья. В последнее время тренировался он редко. Лена почему-то воспринимала его пробежки и занятия как нечто женатому мужчине ненужное. Она смотрела на мужа с недоумением – «теперь-то ты для кого стараешься?» – и постоянно пыталась найти ему вместо тренировки неотложное домашнее дело. Саркастичные реплики: «Прекрасно! Давай я отращу пузо и буду мыться раз в неделю, а ты перестанешь делать прически, макияж и брить подмышки...» – она игнорировала. Наверняка понимала, что не права, но игнорировала. И все-таки, несмотря на психологический прессинг, Саша умудрялся поддерживать относительно приличную спортивную форму. От двух-трех жлобов, даже вооруженных, отбиться вполне реально. А вот если это будут ребята со специальной подготовкой... «Все равно покувыркаемся! Хоть одного, да прихвачу...»

Взгляд снова переместился на приборную панель. Снижаться вертолет не собирался. Высота увеличилась до двух тысяч метров, и цифры остановились. Видимо, вертушка вошла в запланированный воздушный коридор, или как он там называется – эшелон?

Если не вниз, значит, предстоит долгий полет. На сколько хватит ходу? Километров на четыреста? Совсем непонятно. Что там на маршруте: Сергиев Посад, Ярославль? Евгений Иванович внезапно решил заслат в Ярославль Баркова вместо Клим? К чему такие сложности? Да и вообще не по профилю.

Мучения Саши прервало появление на капоте «Следопыта» отчетливой тени. Барков снова прилип к лобовому стеклу, до боли в глазах всматриваясь в небесную синеву. Солнце светило сзади и справа, а потому отбросивший тень объект он увидел не сразу. Сначала, когда тень накрыла не только «Нюсю», но и умыкнувший ее вертолет, Саша ужаснулся размерам объекта. При любом раскладе, даже если источник затенения летел выше ста метров над «козлом», он должен был иметь размеры не меньше военно-транспортного «Ми-90» – дур-машины, придуманной, чтобы тягать подбитые танки с поля боя. Но объект летел определенно не выше – слишком резко очерченным был край его тени. Барков в пятый раз за день пожалел, что отказался от прозрачного люка в крыше «Следопыта». При покупке он рассуждал просто: к чему лишние дыры, если есть кондиционер и на крайний случай пять автоматических окон? Он же не предполагал, что однажды ему позарез потребуется полюбоваться зенитом. Саша попытался рассмотреть мельтешащую игру слабой дополнительной тени от вращающихся лопастей. Нет, ничего такого из-за темного края не выступало. Неужели самолет? Но какой из больших самолетов способен лететь настолько медленно и не падать? Винтовой, из семейства древних «Ту-95», которые после двух модернизаций все равно упорно стоят на вооружении армии? Но ведь это дальний стратегический бомбер, ему положено над Арктикой барражировать, охраняя холодные рубежи Родины. Что он забыл над Москвой, да еще на такой мизерной высоте?

Тень полностью накрыла сцепку, и в поле зрения Баркова наконец-то появился носовой обтекатель нагоняющего воздушного объекта. Черт возьми! Это оказался действительно самолет, только вовсе не элегантный, несмотря на преклонные годы, дальний бомбардировщик, а некое широкофюзеляжное чудовище абсолютно незнакомой конструкции. Двигатели у него были обычные, не винтовые, но летел он максимум на десять километров в час быстрее вертолета, а не падал, возможно, благодаря широкому крылу или еще по какой-то неведомой Баркову причине. Но что поразило Сашу больше всего, так это открытая аппарель в корме воздушного судна. Гигантский зев с отвисшей нижней челюстью будто приглашал: «Залетай, залетный...» И ведь, вздумай «козел» это сделать, при определенной доле везения ему бы удалось! Ширина и высота открывшейся «дверцы» были гораздо больше, чем размах винта или вертикальные габариты сцепки вертушки с автомобилем.

Самолет снизился на несколько метров, и вертушка оказалась точно в его кильватере. Барков ожидал, что, попав в воздушный поток позади этакой громадины, вертолет начнет трястись или пару раз нырнет в воздушную яму, но ничего подобного не произошло. Будто за самолетом никаких невидимых завихрений и не тянулось.

Примерно минуту вертушка шла за самолетом, как собачонка на привязи, а затем вдруг прибавила и двинулась на сближение. Барков похолодел. В детстве он, конечно, читал о подвигах летчиков во время Второй мировой, когда, расстреляв боеприпасы, они таранили самолеты противника, но никак не предполагал, что ему выпадет шанс испытать подобное на собственной шкуре. Вот так вот: дальше – больше!

Туша самолета надвигалась и нависала, как огромный мост над идущим по реке катером. Серебристый венчик вращающихся лопастей вертушки уже пересек «порог» – край аппарели. Саша задержал дыхание и вцепился в «баранку», боясь пошевелиться. Малейшая ошибка пилота – и все, конец. Еще никогда Барков не чувствовал себя настолько зависимым от чужого мастерства и воли, даже когда летал на обычных рейсовых самолетах. Там все было иначе. Пассажиры, экипаж, выверенный маршрут и всех волнений – при взлете и посадке, да и то тревоги были по большей части формальными. Это же не под мостом пролететь, пилоты проделывали взлеты-посадки уже по тысяче раз. Полное доверие и спокойствие. Теперь же ситуация складывалась более чем нервная. Влететь в «коробочку», да еще когда та движется!

Освещенное тусклыми лампами дюралевое чрево огромного самолета было уже повсюду: сверху, снизу, по бокам... Барков с трудом удержался, чтобы не зажмуриться. Сейчас, похоже, будет посадка на палубу. Вертушка зависла. Понятно, что на самом деле она просто выровняла свою скорость относительно скорости самолета, но это было понятно уму, а не глазам. Под днищем «Следопыта» щелкнули замки, и машина закачалась на пружинах подвески. Если считать это промежуточной посадкой, то вышла она исключительно мягкой. Саша снова прильнул к стеклу. Захваты-манипуляторы поджались к хребту вертушки, и она начала сдавать назад. Зрелище было не менее захватывающее, нежели «влет в воздушный ангар». Вертолет медленно, но предельно четко отработал назад – то есть фактически просто немного сбросил скорость, – выскользнул из тени самолета и ушел вниз. Барков наконец-то выдохнул. То ли от нехватки кислорода, то ли от нервного напряжения в ушах зашумело, сердце начало выпрыгивать из груди, а на лбу выступил прохладный пот. Оно и понятно. Участвовать в таком потрясающем трюке, и не в кинотеатре «Три Д», а вживую, ему еще не доводилось.

Следующим этапом затянувшегося воздушного приключения стало доведение обстановки до полного сходства с кинотеатром. Аппарель медленно поднялась, лампы под потолком погасли, и вокруг «Следопыта» воцарилась крошечная тьма.

Примерно минуту Саша сидел неподвижно, напряженно всматриваясь в темноту, а потом вспомнил, что сидит в машине, и догадался включить фары. Лучи ксенонового света вспороли мрак и ярко осветили самолетное чрево. Пожалуй, здесь могло уместиться штук пятнадцать «Следопытов», причем в три ряда. Далеко впереди с потолка свешивались страховочные сети из широких ремней, а вдоль бортов тянулись обитые мягким пластиком лавки. Внутренняя палуба имела продольные пазы непонятного назначения, возможно, для каких-нибудь грузовых салазок, и закрытые прямоугольными пластинами гнезда, наверное, тоже для крепления грузов. В целом ничего примечательного. Воздушная камера предварительного заключения, ни больше ни меньше. Вот угораздило...

Барков провел рукой по флажку автоматического замка. Он был открыт. На дисплее по-прежнему светились показатели: высота постепенно увеличивалась, но давление и температура за бортом «Следопыта» почти пришли в норму. Значит, можно выйти. Страшно-вато, конечно, но не сидеть же в машине. Так в происходящем и вовсе не разобраться.

Страхи, отчаяние и рефлексия, как известно, всего лишь оправдание лени. Чтобы выигрывать, нужно играть. Действовать, а не сомневаться, выжидая неизвестно чего. Саша взялся за ручку двери.

«Терпение и трезвая оценка обстановки все-таки лучше поспешности, – вдруг проснулся внутренний голос. – Сначала неплохо бы осмотреться...»

Барков бросил беглый взгляд по сторонам. Пустота. Что тут высматривать, чего ждать? Когда из кабины выйдут пилоты и все объяснят? А если в отличие от Саши они сразу начнут действовать? Нет. Раз пошла такая пьянка, надо работать на опережение... Они сунутся к машине, к водительской дверце, а там пусто. Вот пока они удивляются и соображают, куда делся пленник, можно будет оценить и обстановку, и подготовку этих похитителей. «Ввяжемся в драку, а там сориентируемся...» Кстати, раньше, рассматривая возможные варианты стычки с похитителями, Саша не учитывал, что враги могут оказаться обычными ворами. Вернее, необычными, хорошо оснащенными и хитроумными – это же надо было еще выдумать такой способ угона дорогих авто! – но все-таки уголовниками. Из этого следовало, что никакими особо выдающимися специальными навыками они не обладают, а значит, переиграть их вполне реально.

Барков осторожно открыл дверцу и бесшумно выбрался из машины. Гасить фары он не стал. С одной стороны, отсвет мощных фонарей его демаскировал, но с другой – лучи ксенонок били прямо в дверь кабины. Световая завеса получалась плотной, как парчовая портьера. Саша на всякий случай пригнулся и, попятившись, спрятался за кормой машины. Из кабины никто не выходил. Ну что ж, это на руку. Барков открыл заднюю дверцу и пошарил в инструментальном отделении. Кроме обязательного пневмодомкрата и «баллонника», там ничего увесистого не нашлось. Ладно, и то хлеб. Саша взвесил в руке легкий ключ. Оружие так себе. Жалко, что не увлекся модным гольфом или этим мудреным бейсболом. Был бы повод возить в багажнике битую или хотя бы клюшку. А еще лучше было бы иметь сейчас под рукой пистолет. Вон, Климов постоянно таскает шестизарядный «иж» в заднем кармане. Говорит, на всякий случай. На какой случай, до сегодняшнего дня Саше было решительно непонятно. Живет Клим в приличном районе, работает тоже не на задворках. От кого отстреливаться, разве что от взбесившихся собак? Вася на такие вопросы обычно отвечает многозначительным: «Много ты понимаешь!» Ну, много не много, а кое-что Саша понимал. В первую очередь то, что разрешенное к ношению и применению гражданское оружие годится действительно лишь против собак. Патроны уменьшенной мощности, стволы только укороченные и всего три калибра: восемь миллиметров, шесть тридцать пять и «мелкашка». Пугачи, да и только. Хотя в ближнем бою с не защищенным бронежилетом противником и такая хлопушка может пригодиться. Но кто же знал? Теперь поздно жалеть о собственной непредусмотрительности.

Баркову показалось, что дверь в кабину самолета чуть приоткрылась. Он выпрямился и выглянул из-за машины. И в этот момент его окликнули сзади:

– Господин Барков...

Саша резко обернулся, заноса над плечом «баллонник».

В глаза неожиданно ударил яркий свет ручного фонаря, и послышалось негромкое шипение. Барков успел заслониться от света рукой, но не догадался задержать дыхание. Все, что он увидел, был размытый контур человека в противогазной маске и с баллончиком спрея в руке. Саша вдохнул сладковатый аэрозоль и почувствовал, как запершило в горле, а по телу разлилась неодолимая слабость. Гаечный ключ выскользнул из руки и брякнул о пол. Перед глазами поплыли радужные круги. Саша ощутил, как слабеют и подгибаются ноги, попытался опереться о борт «Следопыта», но руки тоже ослабели, и удержаться Барков не сумел. Его повело назад, затем качнуло вперед, и он без чувств рухнул прямо в объятия человека в маске.

Последним из пяти «устройств ввода данных» отключился слух. Уже уплывая в серую мглу бессознательного состояния, Барков слышал слова, звучавшие будто бы где-то далеко, но вполне отчетливо:

– Первая фаза окончена. Возвращаемся...

А когда серый сумрак забытья почти полностью поглотил сознание, по краю воображаемого темного горизонта скользнул последний лучик пугающе чужой и невнятной мысли: «программа запущена...». Какая программа и почему запущена, Саша обдумать не успел...

Глава 2

05 июля, 11 часов 20 минут

Издаലെка казалось, что скалистые предгорья монолитны и несокрушимы. Сизые вершины и крутые коричнево-серые склоны стояли на пути неровной стеной, и было очень сложно отделаться от чувства, что если не затормозишь прямо сейчас, то очень скоро обязательно расшибешься в лепешку. Только когда лента узкой дороги нырнула в просвет между первыми скалами и пошла вверх, стало ясно, что стена не такая уж цельная и монументальная. По бокам от дороги мелькали осыпи, редкие клочки зелени, в основном пожухшей травы, иногда низенькие кустики. Когда дорога изогнулась, превращаясь в серпантин, у правой обочины начали громоздиться здоровенные валуны, а слева пошел откос. Пока не пропасть, но уже и не кювет. Колонна чуть сбросила скорость, но легче от этого не стало. Семенов все время ждал, что из-за поворота вылетит встречная машина и пять джипов колонны, шарахнувшись влево, запрыгают посланными в аут мячиками вниз по каменистому склону. Но внешне беспокойство молодого босса никак не проявлялось. Он развалился на заднем сиденье второго «Прадо» и курил, меланхолично рассматривая вид за окном. Во-первых, надо было держать марку перед подчиненными, а во-вторых, Семенов понимал, что если какая-то неприятность и случится, то с первой машиной. Остальные успеют затормозить и прижаться к правой стороне.

И все-таки безопаснее было бы прилететь вертушкой. Посадочных площадок в Горной Крепости предостаточно, и на территории, и в ущелье перед ней. Но план есть план. Вертолеты вступят в игру, только когда созреет ситуация.

Серпантин уводил колонну все выше, все натужнее гудели моторы, все круче становились склоны то слева, то справа от дороги. Постепенно неприятное чувство опасности притупилось, и Семенов расслабился. Что ни говори, а машиной комфортнее. Никакой вибрации, никакого шума, мягкие кожаные кресла, если не сказать диваны, бар и благодаря «неводу» устойчивая связь с любыми сетями. Чего еще желать, особенно когда требуется сохранить душевное равновесие перед напряженными переговорами? Заинтересованного женского взгляда, превращающего любого нормального мужика в героя? Семенов равнодушно покосился на сидящую рядом Тамару. Женщина в наличии, а вот с чарующим взглядом, пожалуй, ничего не выйдет. Секретарша повернула голову и вопросительно посмотрела на босса: «Да?» Семенов отрицательно качнул головой: «Нет, ничего...» – и снова уставился в окно. Идеальная фигура, красивое лицо, прекрасные глаза... в глубине которых застыл алмазной твердости лед. Желать ее заинтересованного взгляда все равно что добиваться взаимности от атомной бомбы – чистое самоубийство. Обычно женщины не загоняли Семенова в тупик. Его вообще ничто не удивляло в этой жизни, а потому он всегда сохранял трезвый взгляд на вещи и получал исключительно то, что ему было нужно. Но с Тамарой у босса вышла осечка. Он сам выбрал ее на роль своего личного секретаря, естественно, имея в виду выполнение ею не только служебных обязанностей, но и всех прихотей шефа, однако Тамара оказалась безупречно холодна и профессиональна. Нет, она не отказала боссу, легко уступив его откровенным домогательствам. Но сделала это так, что у Семенова пропала всякая охота домогаться ее впредь. Он даже кончить в тот раз не сумел. Первая в жизни сексуальная неудача разозлила Семенова не на шутку. Мало того что облажался, так еще и щелчок по самолюбию получил. Такого он не прощал никому и никогда. Когда за «фригидной лесбийской сукой» закрылась дверь, Семенов твердо пообещал своему отражению в зеркальном

потолке спальни, что вышвырнет ледяную шлюху прямо в окно, если она осмелится явиться утром на работу. Но на следующий день Тамара как ни в чем не бывало занялась служебными делами, и у Семенова почему-то не хватило духу ее уволить. Или это проснулось его знаменитое чутье. Он ценил надежных и твердых людей и чувствовал, что Тамара как раз такая: не подведет и не предаст, как бы ни стало тяжело. А еще, если потребуется, сделает для шефа то, на что не отважится никто другой. Например, не моргнув глазом, ляжет под нужного человека и заставит его выполнить любые условия. А если не заставит, то хладнокровно удавит несговорчивую жертву ее же галстуком. Даже среди мужиков такого «киборга» пойдешь поищи, а тут женщина, да еще прекрасная, как Снежная королева. Безотказное секретное оружие. С тех пор Тамара выполняла лишь то, что было записано в трудовом контракте, плюс особые поручения деликатного, но не интимного свойства. Для поручений последнего упомянутого рода Семенов нанял еще одну девицу, полную противоположность ледяной Томе. Кроме постельной эквилибристики и расслабляющего массажа, она не умела ничего, зато первое и второе делала просто идеально. Во всяком случае, Семенова она полностью удовлетворяла. И, возможно, не только его, но и Тамару.

Но сегодня в машине, кроме босса и его «холодной тени», ехали только двое мужчин. «Мягкую игрушку» Семенов оставил в конторе. Не на пикник в эти горы выбрались, а по делам.

За рулем машины сидел человек-гора по кличке Мамонт. На самом деле его звали Сергей, но длинные, слегка выющиеся черные патлы и недельная щетина на трех подбородках не позволяли обзывать его, например, Слоном. Лохматый слон и есть мамонт – так решили подручные Семенова. Уважительно, но не без иронии. Сергей, по натуре тугодум и пофигист, не возражал, хотя по пьяни однажды признался, что хотел бы, чтоб его называли Медведь или Лука Брацци. Насчет первого бойцам все было почти понятно. Медведь как-то ближе русской душе, чем мамонт, а вот с каким-то там «луком» вышла осечка. Мамонт долго пытался объяснить, кто этот американо-итальянец и какая связь между его крестным отцом и их молодым боссом, но Сергея никто из ребят до конца не понял. В общем, так и приклеилось – Мамонт. «Бивнями» которому служили два мощных израильских пистолета «desert eagle» сорок четвертого калибра.

Рядом с водителем сидела его полная противоположность. Тощий, вертлявый и неугомонный Жорик, штатный хакер конторы. Ему было всего восемнадцать, и по молодости Жорику многое прощалось, но лишь то, что не касалось работы. В официальной обстановке требования к «програмеру» Семенов предъявлял заповедные. Босс и сам неплохо разбирался в нюансах пользования высокими технологиями, а потому знал, что следует спрашивать с юноши, вот и спрашивал. Но Жорика выбить из седла мог лишь некий «встречный катаклизм», не меньше. Несмотря на молодость, он, казалось, знал ответы на любые вопросы. В пределах своей специальности, конечно.

Все прочие участники делегации, по пятеро разместившиеся в калиброванных черных «крузерах», были под стать машинам: плечистые и удручающе похожие друг на друга. И не только ростом, габаритами и однотипными темно-серыми костюмами, но и равнодушными квадратными физиономиями, а еще отсутствием мысли в пустых глазах. Думать им не полагалось. Все специальные навыки были закреплены у них в подкорке, рефлекс на команды отточен, преданность боссу мотивирована хорошей зарплатой. Чего еще нужно от службы охраны? Каких таких мыслей? И что это вообще такое – мысль?

Семенов криво ухмыльнулся. Охрану он тоже сам подбирал. Нет, в нерабочей обстановке ребята нормальные, даже в меру толковые, но на службе – чистые роботы. Даже наголо бритый, вспыльчивый горец Аслан, начальник службы безопасности, в рабочей обстановке становился почти уравновешенным и предельно расчетливым. Он сейчас ехал в замыкающей машине и наверняка внимательно изучал спутниковую картинку в режиме «live». Все-

видящий «невод» отслеживал путь колонны и окружающую обстановку с максимальной тщательностью. При его возможностях это было несложно: спутники «Networld» отлично видели любую точку земного шара. Даром, что ли, «полифункциональная глобальная сеть»? Она еще и не такое может.

Семенов сверился с данными в личном смарте. Все правильно. Сразу за очередным поворотом справа от дороги будет перегороженный ржавым шлагбаумом въезд в широкий тоннель. Внешне он выглядит невзрачно, как оставшийся с незапамятных времен горизонтальный ствол какой-нибудь каменоломни. Никаких указателей, повсюду осыпавшийся щебень и трава. Но это лишь внешне. Метров через сто, после второй «рогатки» – уже современной и оборудованной по всем правилам фортификации, – начинается свежий асфальт и автоматические звукочувствительные лампы под потолком. Семенов не бывал в тоннеле ни разу, но в его смарте имелся подробный и живописный отчет разведки.

Машины прошли поворот, и головной «Прадо» свернул к тоннелю. Все как по написанному. Огромное черное жерло в отвесной скале, поперек него ржавая труба на козлах из кусков рельс и полное запустение вокруг. На обычной электронной карте этот артефакт обозначался как «старая штольня», а на ссылке «примечания» картографы добавляли: «Тупик через сто метров, опасность обвала, вход опасен для жизни». Кроме вероятности обвала, все честно: через сто метров, у второго шлагбаума жизнь любопытного туриста действительно могла подвергнуться серьезной опасности. Например, могла оборваться от пули бдительного бойца охраны секретного военного комплекса Горная Крепость.

Ребята из первой машины аккуратно отодвинули трубу на козлах в сторону и снова запрыгнули в «крузер». Колонна медленно въехала в тоннель.

– Общая готовность! – прозвучал сразу из всех смартов и бортовых компов голос Аслана. – Оружие к бою!

В каменной трубе связь с «неводом» становилась неустойчивой, а картинка пропадала вовсе, и начальник охраны нервничал.

– Аслан, расслабься, – небрежно проронил Семенов. – Не на войну едем, в гости. Все согласовано.

– Знаем мы «красное» гостеприимство, – пробурчал в ответ Аслан. – Сиживали у них в гостях. Пять лет, от звонка до звонка.

– Это потому, что думать надо было, на чьей стороне воевать, – встрял Жорик. – Служил бы спокойно Родине, не загремел бы, как медный чайник по ступенькам.

– Уймись, плотва, – отмахнулся Аслан. – Ты в то время еще горшок не освоил, а туда же – учить... Первая машина – стоп! Доклад.

– Вижу блокпост, – тут же ответил водитель головного джипа. – Шипы и барьеры убрали, поднимают шлагбаум. Вроде бы все в порядке.

– Я же говорил, расслабься, Аслан, – снова бросил Семенов. – Бизнес сильнее войны.

– Потому что война – это один из приводов бизнеса, – снова оживился Жорик, – а деталь, даже такая важная, не бывает сильнее всего механизма.

– Философ, – фыркнул Аслан. – Все машины, вперед!

Колонна медленно миновала зону ответственности блокпоста и очутилась на ровном асфальте. Разметки на дороге не было, но в остальном она не уступала любому автобану: идеально ровная и хорошо освещенная лампами, вспыхивающими за полминуты до приближения головной машины. Метровые промежутки между краем дорожного полотна и каменной стеной тоннеля были забраны тяжелыми металлическими решетками. Судя по всему, в случае необходимости глубокие и широкие сточные желоба под дорогой могли использоваться как траншеи для скрытого подноса боеприпасов и переброски личного состава к блокпосту.

Тоннель тянулся около километра. Подмигивая колонне лампами и равнодушно отражая мерный гул двигателей от холодных стен, он дважды плавно изогнулся и закончился перед узким каменным мостом. Увидев открывшийся впереди простор, Семенов сменил позу. Спина сама собой выпрямилась, а с губ сорвался невнятный восхищенный возглас. Открывшемуся виду явно не хватало саундтрека вроде фанфар или торжественной оркестровой увертюры, как в кино, когда в кадре перед утомленными путниками предстает нечто грандиозное. Каменный мост без ограждений, длиной в две сотни метров, был переброшен через глубокое ущелье, на противоположном обрыве которого, отступив от края метров на сто, высилась отвесная скалистая стена до самых облаков. Солнце освещало ущелье ровно наполовину – колонна ехала из тени на свет, и резкий отчетливый терминатор двигался по мосту ей навстречу. На узкой площадке-уступе противоположного «берега» слева и справа от дороги торчали купола дотов, определенно не бетонных, а вырубленных прямо из местной породы: по два с каждой стороны. Они, как прижавшиеся к земле церберы, внимательно следили за гостями через черные щели парных бойниц. Если в каждой упрятано хотя бы по крупнокалиберному пулемету, огневая мощь «привратников» позволяла запросто смести с моста все пять «крузеров». Но в дотах могли прятаться и более серьезные средства заградительного огня, например автоматические гранатометы или что-то еще. Тогда «церберам» были по зубам цели и потяжелее. А еще среди поверхностных трещин и неровностей стены справа и слева от ворот угадывались искусно замаскированные бойницы двух основных видов: покрупнее – для гранатометчиков – и помельче – для снайперов и обычных стрелков. Было их, как пушечных портов в борту средневекового галеона – несколько десятков в три яруса. А выше и ниже угадывались и еще какие-то лючки. Вполне возможно, что заслонки пусковых установок или порты огнеметов. А скорее всего, и то и другое. Это впечатляло.

Колонна вышла на мост, и Семенов, не удержавшись, взглянул вниз. Если бы не иллюзорная надежность тяжелых дверей и толстых бронестекол «Прадо», у босса «черной» делегации обязательно закружилась бы голова. К высоте он относился спокойно, без внутреннего трепета, но очень не любил балконы без перил. А каменный мост – непонятно на каких опорах висящий над глубокой пропастью – выглядел как раз недостроенным балконом на сто двадцатом этаже. Где-то далеко внизу едва различимо шевелилось нечто темное и длинное, похожее на недовольную, не вовремя разбуженную змею. Серая туманная дымка делила «змею» на короткие, матово поблескивающие отрезки, обрамленные мелкой щебенкой и темно-зелеными пятнами. Лишь теоретически можно было предположить, что матовая змея на дне ущелья – это река, а «щебенка» по ее берегам – это здоровенные валуны. Что там, на дне, за зелень, понять было еще сложнее. Вряд ли кусты, но несомненно что-то живое: либо трава, либо мох. Босс нервно сглотнул и заставил себя не смотреть вниз. Сейчас нервы должны быть расслаблены. Натянуться, как струны, они всегда успеют.

Когда машины выехали из тени на свет, Семенов увидел еще кое-что. Там, где дорога упиралась в высокие бронированные ворота, полукруг которых посередине разделяла темная вертикальная полоска стыка между створками, вместо асфальта виднелись решетки, похожие на тоннельные, только здесь ими был вымощен финальный отрезок дороги, примерно тридцати метров длиной. Когда машина въехала на решетку, в голове у Семенова мелькнула мысль о барбекю. Если уменьшить масштаб, пять «крузеров» колонны сейчас отдаленно напоминали пять стейков. Чуть что не так, снизу подается горячая смесь, и враг лишается штурмующего ворота авангарда, который горит, что называется, синим пламенем. Неплохо все продумано. Горная Крепость вполне оправдывала свое название. Штурмовать ее в пешем строю представлялось занятием бесперспективным. Только бомбить, используя боеприпасы повышенной мощности. Впрочем, Семенов и его высокое начальство ни о чем подобном и не думали. Делегация ехала договариваться.

– Жорик, готов? – негромко спросил Семенов.

– Уже в образе, – ухмыльнулся хакер. – Но это я. А вот сканер пока молчит – ворота толстые.

– Тома? – босс взглянул на абсолютно спокойную секретаршу.

– Да, – бесстрастно ответила та, одернув короткую юбку.

Ворота медленно поползли в стороны, уезжая по рельсам внутрь каменных стен. Машины въехали на территорию крепости и, следуя указаниям человека с двумя светящимися жезлами в руках, встали на специальные площадки.

Семенов успел заметить, что первый внутренний двор крепости не имеет крыши и служит чем-то вроде авто– и аэровокзала. Дно образованного скалами колодца имело площадь примерно три тысячи квадратов, и всю его ровную каменную поверхность покрывала сеть цветной разметки. Белая указывала места стоянки и маршруты движения автомобилей, оранжевые пятна, пунктиры и стрелки предназначались для обозначения вертолетных площадок – на трех из них стояли готовые к полету машины – и путей их транспортировки в ниши-ангары, два десятка которых темнели в противоположной стене, черными линиями обозначались, видимо, тротуары. По левой стене колодца наверх тянулись конструкции двух открытых лифтов и металлические марши пожарной лестницы. Семенов отлично знал, куда ведут эти лифты. Там, на гряде, расположился радарный комплекс, отслеживающий воздушную обстановку, а заодно и обслуживающий небольшой аэродром с короткой взлетно-посадочной полосой, вырубленной, как и все остальное, прямо в скалах. Правая стена походила на протаявший сквозь скалу фронтон жилой высотки: два подъезда у основания и ровные ряды окон, насколько хватает глаз. В «здании» размещались казармы и всевозможные вспомогательные помещения. Но штаб и секретные лаборатории прятались не там. До сих пор ни одному шпиону не удавалось выяснить, где в Горной Крепости сидит начальство и где стоят главные компьютеры. А еще никто так до сих пор и не выяснил, есть ли в этом супер-бункере ядерное оружие. На первый взгляд такой объект вполне мог бы выполнять заодно роль стратегического, но это только на первый. Те, кто разбирался в вопросе, знали точно – в Горной занимаются темой гораздо более продвинутой и в случае успеха в сто раз более перспективной, чем совершенствование ядерных бомб. Так что вряд ли здесь держали стратегический боезапас. Ракетных точек по стране хватало и без Горной Крепости. А жаль... Семенов ухмыльнулся.

«Парковщик» с жезлами в руках красноречивым жестом приказал водителям поставить машины на ручной тормоз и, выждав, когда его приказание будет выполнено, взмахнул руками вверх и в стороны.

Площадки, на которые въехали «крузеры», медленно пошли вниз. После примерно трехминутного «погружения», когда над головой осталась двадцатиметровая толща камня и пятиметровое свободное пространство, платформы замерли вровень с металлическим полом подземного уровня. Здешний «парковщик» ничем не отличался от первого. Те же светящиеся жезлы и отработанные жесты. Он приказал машинам съехать с платформ и встать перед невысоким, красным в желтую полосу барьером. Выполнив свою миссию, парковщик исчез, зато появились два десятка солдат. Вооружены они были только пистолетами и не вынимали оружия, но держались настороженно.

Семенов вытянул шею, пытаясь рассмотреть дверь или люк, из которого выбрались солдаты. Выяснилось, что это было нечто напоминающее подземный переход. Широкие ступени вели метра на четыре вниз и заканчивались перед традиционной для крепости бронированной дверью. По ним как раз поднимались те, с кем Семенов и намеревался вести переговоры.

– Похоже, они хотят говорить прямо здесь, – заволновался Жорик.

– Спокойно. – Семенов поправил галстук, пригладил зачесанные назад волосы и взялся за ручку двери. – Сканер заработал?

– Как часы, – заверил Жорик.

– Отлично. Аслан, пошли!

Охрана быстро, но без суеты, выбралась из джипов и заняла позиции, чтобы в случае возникновения неприятностей вести эффективный огонь, используя машины в качестве прикрытия. На месте остались только водитель и пассажиры «флагмана». Снаружи у семеновской дверцы замер Аслан.

Когда встречающие поднялись на площадку, начальник охраны распахнул перед Семеновым дверцу, и босс, приклеив к лицу дружелюбную улыбку, выбрался из машины...

...Начальник секретного объекта Горная Крепость полковник Сухопаров не горел желанием встречаться с «черными», так на местном сленге называли тех, кого представлял этот Семенов. Но начальство приказало воспользоваться всеми доступными схемами выхода из тупика и одобрило составленный полковником список. Контакт с «черными» в длинном перечне возможных мер по преодолению кризиса стоял месте на сто двадцатом, но Москва переместила его почти в самое начало листа. Сухопарову только и оставалось, что взять под козырек. Хотя Горная Крепость формально и не имела отношения к Министерству обороны, фактически ее руководство выполняло все указания министра и назначенного им куратора. Выполняло четко и беспрекословно, поскольку проект не имел иного источника финансирования, кроме оборонного бюджета. И не мог иметь, даже если бы этого захотел Сухопаров. Даже министр обороны, однажды дав проекту отмашку, уже не мог изменить его статус. Все разработки были априори классифицированы как «совсекретные». А когда трудишься над проектом, имеющим такой гриф, не до самостоятельности. Или ты идешь до конца на тех условиях, которые были положены в основу, или вылетаешь из проекта, который продолжат другие. В общем, как бы ни сопротивлялся полковник, а переговоры с «черными» были неизбежны. Это он понял уже в тот день, когда проект впервые дал сбой. Нет, не десять лет назад, когда разделение коллектива на «черных» и «красных» только-только намечалось, гораздо позже. Если точнее – буквально полгода назад, когда проект окончательно зашел в тупик. Именно тогда Сухопаров отчетливо осознал, что без свежей мысли, без принципиально нового подхода к проблеме вывести проект из кризиса не удастся. А где взять свежие мысли, если о сути проекта, кроме обитателей Горной Крепости, знали, хотя бы в общих чертах, только «черные» и больше никто. Почти никто. Тут уж ничего не поделаешь, только обращаться за помощью к «заклятым конкурентам». В теории существовал, конечно, еще один вариант: обратиться к единственному человеку, знавшему обо всех нюансах проекта в целом, но этот вариант Москва, наоборот, вычеркнула из списка. Наверное, потому, что этого человека уже не было в живых или почему-то еще – о реальной причине, заставившей Куратора вычеркнуть этот пункт, Сухопарову не доложили. Не по чину...

Впереди глухо брякнул замок и медленно открылась толстая бронедверь. За ней начались ступеньки. Короткий марш и площадка, а там уже ожидают эти бандиты. Сухопаров нервно потер ладони и поправил галстук. Человек он был уже немолодой, страдающий язвой, а оттого нервный и желчный. Людей, не имеющих отношения к военно-прикладной науке, а тем более таких, как этот Семенов – поверхностный, недоученный выскочка, – он глубоко презирал. Сухопаров отлично помнил послужной список молодого босса «черных». Буквально пять лет назад он был никем, перспективным выпускником университета, не более того, и вдруг такой фантастический взлет. Но полковник хорошо знал причину этого взлета. Семенова приметил Хозяин и в приказном порядке ввел его в группу подполковника Сухопарова, работать над проектом, тогда еще на одной из военных баз в Подмосковье. Поначалу все шло нормально, Семенов влился в коллектив и даже был полезен, но вскоре раскол в верхах окончательно поделил работавших над проектом людей на своих и чужих. «Красных» возглавил Куратор от Министерства обороны, а «черных» взял под свое

крыло заручившийся поддержкой большого бизнеса Хозяин. Пришлось выбирать и ученым. Сухопаров выбрал, как он считал, «хороших». В результате получил очередное звание, пост руководителя проекта, финансирование из оборонного бюджета и... безвылазное заточение в Горной Крепости. А Семенов принял сторону «раскольников» и добился практически того же, только без звания и добровольной изоляции. Он теперь жил на широкую ногу, в Москве, и без всякого напряжения, в перерывах между развлечениями, занимался доставшейся «черным» долей проекта. А офицерское звание ему было и вовсе до лампочки. С такими-то деньжищами в кармане! Так считал Сухопаров. Возможно, полковник ошибался, но, судя по лоснящейся физиономии бывшего подчиненного, лишь в деталях.

«Вот бы закончить эту историю словами: а потом он спился и умер под забором... – Сухопаров поправил очки на длинном носу и недовольно поджал тонкие губы. – Дождешься от него... Скорее сам в ящик сыграешь, от чахотки какой-нибудь. В этом каменном мешке немудрено...»

Ступеньки закончились, и хочешь не хочешь, пришлось подпереть впалые желтоватые щеки подобием улыбки. Губы почти не слушались, настолько велика была неприязнь к недоучке, выскочке и предателю Семенову, и улыбка вышла нервная, подрагивающая. Затрясись сейчас у полковника подбородок, можно было подумать, что он собирается разрыдаться.

– Мое почтение, Виктор Сергеевич, – протягивая руку, сказал Семенов.

– Здравствуйте, – сухо ответил полковник, стараясь поскорее избавиться от навязанного рукопожатия. Но Семенов, как назло, не отпуская.

– Столько лет...

– Сколько? – Сухопаров наконец-то вызволил руку. – Год всего. Неполный. Виделись с вами случайно в Министерстве финансов. Или вы забыли?

– Я имел в виду не наши мимолетные встречи, Виктор Сергеевич, – ничуть не смутившись, пояснил Семенов. – Я говорил о работе. А не работали мы с вами совместно уж скоро пять лет.

– И вряд ли начнем снова, – вырвалось у Сухопарова.

Конечно же, говорить этого не следовало, но удержаться полковник не мог. Надо же, какая самоуверенность! Щенок! Еще ничего не предложил, а уже планы строит! Может, еще и кабинет попросит уступить, и лаборатории выделить для своих бритоголовых дилетантов?!

– Напрасно вы так, – Семенов укоризненно улыбнулся.

– Как? – раздраженно спросил Сухопаров.

– Так негативно. Все наши разногласия в прошлом, Виктор Сергеевич. Да и не было их у нас, если подумать. Ведь это там что-то не поделили, – он указал пальцем в потолок. – Ну а нам, так сказать, отдачей досталось. Паны дерутся – знаете же, – а у холопов чубы трещат. Но мы-то с вами ничем друг друга не обидели. Вспомните, я всегда старался научиться у вас тонкостям дела, и, насколько я помню, вы были обо мне довольно высокого мнения.

– Пока вы не променяли наше дело на барыши, – снова поддался эмоциям Сухопаров.

– Виктор Сергеевич, разве можно меня за это осуждать? – Семенов развел руками. – Молодость всегда безрассудна и падка на соблазны. Но я не жалею...

– Еще бы, – фыркнул полковник.

– Не жалею, поскольку именно «развод» позволил нашим фирмам добиться впечатляющих результатов. Во всяком случае, наша часть проекта готова к следующему этапу – испытаниям и воплощению в жизнь. Думаю, у вас дела обстоят примерно так же.

– Примерно. – Сухопаров неопределенно кивнул.

– Но раз мы встретились, следовательно, существуют некоторые... нюансы, сложности с воплощением. – Семенов выжидательно взглянул на полковника. – Не так ли?

– Я просто выполняю приказ Куратора, – процедил Сухопаров. – Не думаю, что у вас есть то, что нам нужно.

– Как знать? – «Черный» пожал плечами. – К тому же приказ есть приказ, ведь так? Иначе зачем мы приехали? Вы рассмотрите наши предложения, если они вас интересуют, мы обсудим условия обмена.

– Покупки, – поправил полковник.

– Обмена, – мягко настоял Семенов. – Мы вам, вы нам. В деньгах наша фирма не нуждается.

– И что же вы предполагаете получить от нас?

– Давайте не будем забегать вперед, Виктор Сергеевич. – Семенов, не оборачиваясь, поманил одного из своих подручных.

Подошедший юнец выглядел еще отвратительнее, чем его босс. Одет в какие-то бесформенные модные шмотки, на руке смартфон, под мышкой комп, в ушах горошины беспроводных динамиков, а на глазах темные очки явно с проекцией клипов. Типичный представитель нового поколения. Такой же бездарный недоучка, как его босс... Сухопаров почувствовал, как остро реагирует на происходящее язва. Сегодня что-то сильнее обычного. Нервы, нервы... Вот-вот, от общения с такими сосунками язвы и зарабатываются. Такой уж он вихлявый, скользкий и раздражающий, смотреть противно.

Юнец раскрыл небольшой комп и повернул его экраном к полковнику.

«Что у них там? Наверняка какая-нибудь ахинея».

Сухопаров нехотя взглянул на экран. Объемная картинка его неожиданно заинтересовала. Это была всего лишь модель, но если у «черных» имеются для нее верные расчеты, возможно, с ними действительно стоит сотрудничать. Полковник немного расслабился и продолжил чуть миролюбивее:

– Возможно, нам действительно есть о чем поговорить, господин Семенов...

– Вот и отлично. – Семенов расплылся в улыбке. – Только... извините за вопрос, Виктор Сергеевич, мы будем беседовать прямо здесь?

– Да, да, конечно, – засуетился Сухопаров. – Пройдите со мной... но только не все! Вы и... ваш программист.

– Еще мои секретарь-референт и юрист, – твердо произнес Семенов.

– Ну-у... не знаю... – Полковник взглянул на стоящую позади юноши-программиста молодую женщину и на тучного, лохматого юриста. Подвоха вроде бы не было. Секретарша, конечно, Семенову нужна только для форса, а юрист и вовсе ни к чему, никаких документов «черные» и «красные» отродясь не составляли и не подписывали, не будет этого и сегодня, но... опять же для моральной поддержки.

Да пусть тащит с собой кого угодно! Сухопаров вспомнил объемный макет в компе вихлявого юнца и почувствовал волнение. Неважно, кто будет с Семеновым, главное – поскорее взглянуть на расчеты! А допуск гостей в святая святых – на командно-лабораторный уровень – забота охраны. Там, внизу, за бронедверями этих дармоедов десять или двенадцать, во главе с начальником всей охраны Горной Крепости, вот он пусть и решает, кого впускать.

Сухопаров спустился по лестнице первым и не обратил внимания на то, что юнец закрыл свой комп, только когда полностью открылась бронедверь. До этого момента его тонкие длинные пальцы непрерывно бегали по сенсорной клавиатуре.

Сразу за порогом тяжелой двери делегацию встретили четверо внимательных охранников. Они жестами приказали гостям выложить электронику и металлические предметы на широкий стол с висящим над ним сканером и пройти через рамку металлоискателя. «Черные» выполнили их требования без промедления и каких бы то ни было признаков недовольства. Комп, четыре смарта, дамская сумочка и ключ от машины были просканированы и возвращены владельцам. Но это было еще не все. Сразу за первым досмотром последо-

вал второй, скрытый. Гости прошли за Сухопаровым по короткому коридорчику из тонированного стекла, за которым располагались флюоскопы. Стандартная аппаратура. Даже в метро такие стоят. Никто из гостей не моргнул и глазом. Полковник остановился посреди открывшегося за коридорчиком холла и взглянул на замершего в дальнем углу помещения начальника охраны. Тот изучал показания компа, контролировавшего хитрую систему, упрянтанную по ту сторону темных стекол коридорчика. Хитрость заключалась в том, что, кроме флюоскопа, гостей изучал еще и целый комплекс биометрических приборов. Дистанционно снимались такие показатели, как температура тела, давление, ритм сердечных сокращений, частота дыхания и рисунок мозговых волн. Получалось нечто вроде дистанционного детектора лжи, только вместо провоцирующих вопросов раздражителем для испытуемых служила сама обстановка. Если человеку нечего скрывать, он должен волноваться, но в пределах разумного. А вот если он пришел с дурными намерениями, его биометрические показатели должны быть либо близки к верхней границе, либо неоправданно низки. В зависимости от уровня его психологической подготовки. Комп обрабатывал все данные и делал выводы согласно заложенной в него программе. Дождавшись, когда стеклянный коридорчик пройдут все четверо «черных», главный охранник поднял взгляд на Сухопарова и кивнул: «Чисто». Полковник удовлетворенно потер ладони и приглашающим жестом указал на очередные двери – стеклянные двустворчатые, с красноречивым трафаретом почему-то на двух языках: «Зона М. Биологическая опасность!» и чуть ниже: «M-zone. Biohazard!» Заметив ироничный взгляд Семенова, полковник неожиданно для себя смутился и скривил губы в ухмылке. Ему эти надписи были тоже смешны. Во-первых, зачем дублировать на английском? Забота о здоровье возможных шпионов? Никаких импортных делегаций сюда не пустили бы, даже стань Запад не только стратегическим союзником Родины, но и молочным братом. Во-вторых, опасность была вовсе не биологической. Маскировка? С точки зрения любого военного, так и было. Но полковник подозревал, что у строителей просто не нашлось другого трафарета.

Начальник охраны присоединился к Сухопарову, а двое его подчиненных пристроились делегации в хвост. Таковы были правила передвижения по М-зоне – только в сопровождении охраны и только в пределах уровня допуска. У Сухопарова ограничений допуска не было, но и он не имел права ходить по М-зоне в одиночку. А поскольку столь же высоким допуском обладал лишь начальник охраны, полковник приходил сюда только в его сопровождении.

Перед входом в главный компьютерный центр – сердце Горной Крепости – гости при тормозили. Начальник охраны и полковник Сухопаров прижали ладони к сенсорным замкам справа и слева от двери и предъявили рисунок сетчатки зрачкам сканеров. Над дверью зажглась зеленая лампочка, и створки раздвинулись. Полковник прошел в зал, а охранник задержался у порога, еще раз просверлив взглядом поочередно каждого из гостей. Семенов прошел первым, не обратив на главного стража Горной никакого внимания. Сопящий и пыхтящий юрист пронес мимо него свою тушу даже с большим достоинством, чем того требовал его незначительный статус. А вот секретарша смерила охранника таким убийственным ответным взглядом, что тот, несмотря на немалый профессиональный опыт, почувствовал себя неуютно, словно мальчишка, которого застукали у замочной скважины родительской спальни. Надо же... И где только берут таких стервозин? Пока начальник охраны боролся с мимолетным замешательством, программист едва не проскочил без проверки «на глаз». До главного охранника наконец дошло, что же его насторожило настолько, чтобы устроить внеочередной визуальный досмотр, когда, казалось бы, в нем уже не было никакой необходимости. Юнец не снимал свои темные очки. А между тем особо ярких ламп в бункере не было.

– Клипы смотришь? – придержал охранник программиста.

Тот чуть наклонился и сначала взглянул на начальника охраны поверх очков, а затем все так же взглядом потребовал отпустить его плечо. Охранник отпустил.

– Ну.

– Как ты только не спотыкаешься, – начальник охраны усмехнулся.

– Че? – Юнец выковырнул из уха горошину динамика.

– Как не спотыкаешься, говорю...

– И че?

– Ничего, – начальник махнул рукой. – Иди... кластер потерянный...

– ...Come together... right now... – вставив горошину динамика на место и отбивая такт рукой, в рэп-манере продекламировал юноша.

– Интерпретаторы, – фыркнул охранник. – Ну, молодежь пошла... ничего святого.

Программист ухмыльнулся и, раскланявшись, догнал делегацию. Вопреки ожиданиям гостей, Сухопаров в главном компьютерном зале не задержался. Он провел «черных» в помещение чуть дальше по коридору: светлое, просторное, уставленное кадками с фикусами и прочими зелеными насаждениями. Посреди помещения стояли кресла, низкий столик с блином выдвижного бара посередине, а переднюю стену украшал голографический вид: уютное, окруженное скалами озеро с лазурной водой и серебристой ниточкой стекающего со скал ручейка. Солнца на безоблачном небе не было, только его искры в ручье и лучи на противоположных скалах. Выглядело все очень натурально.

– Это реальный вид, – заметив интерес в глазах гостей, пояснил Сухопаров.

– Окно? – удивился Семенов.

– Нет, конечно, но если бы оно здесь было... и было бы увеличительным... Это озеро расположено именно там, куда вы смотрите, только за десятикилометровой толщей горной породы.

– Занятно, – равнодушно произнес Семенов, без приглашения усаживаясь в кресло. – Уютное местечко.

– Да. – Сухопаров сел напротив. – Итак...

– Итак, к делу. – Босс «черных» поставил локти на подлокотники кресла и соединил кончики пальцев. – Суть предложений Хозяина заключается в следующем: наши фирмы вели параллельные исследования по проекту «М», но вы налегали на его техническую составляющую, а мы совершенствовали программное обеспечение. И вот в один прекрасный момент и вы, и мы уперлись в тупичок. Что было вполне предсказуемо. Ведь при распределении полномочий и дележе наследия изначального проекта Куратор и Хозяин сознательно пошли на этот спорный шаг – попытались лишить противника преимущества. Они, как два средневековых пирата, поделили наследство капитана Флинта: одному досталась карта Острова сокровищ, а другому его координаты. Пока мы занимались теорией, такое положение вещей нас устраивало, теперь же нам требуется, грубо говоря, ваш «хард», а вам наш «софт». Осталось договориться о цене сделки и условиях страховки.

– Два момента. – Сухопаров немного подался вперед. – Вы весьма живописно все изложили, но почему-то упустили два основных момента, господин Семенов. Первый – стратегические вопросы не в нашей компетенции. Я подозреваю, что даже не в компетенции Куратора и Хозяина, а кого-то еще повыше.

– Выше Хозяина никого нет, – убежденно парировал Семенов.

– Пусть так, зато есть кое-кто повыше Куратора. В любом случае договариваться о фактическом слиянии проектов – а вы предлагаете именно это! – не в нашей с вами власти. И второй довольно серьезный момент: вы отчетливо представляете себе, что задумывал «капитан Флинт»?

– Конечно. Думаю, вы тоже. Мы оба знали его лично и были неплохо осведомлены о сути его работ.

– А вот я думаю, что мы и уперлись в «тупички», как вы изволили выразиться, поскольку чего-то так и не поняли.

– Вы же видели модель. Если, не вдаваясь в подробности, предположить, что в соединении с вашим «хардом» она заработает...

– Я не гадаю на кофейной гуще, молодой человек!

– И все-таки. – Семенов сцепил пальцы и тоже подался вперед.

– Может быть, – сдался Сухопаров. – Хотя... не знаю... Вам не хуже меня известно, что документация по изначальному проекту была краденой, а потому неполной. Возможно, наш «Флинт» потому и попытался сбежать. Он понял, что не сумеет довести дело до конца, и сдал нас официальным владельцам идеи, чтобы под шумок улизнуть и лечь на дно. Все прошедшие с того момента годы мы двигались на ощупь, основываясь на неполных данных...

– Но вы же повторили эксперименты группы Михайлова?

– Да, но нам не хватило верной программы. При желании мы можем создать процессор, подобный тому, что используется в спутниках «Networld», но он просто не будет работать. У нас нет для него программного обеспечения.

– Зато оно есть у нас. – Босс «черных» снова откинулся на спинку кресла. – Спасибо, полковник... в ваших услугах мы больше не нуждаемся.

– То есть? – Сухопаров удивленно взглянул на Семенова.

Семенов смотрел на него не мигая, как удав на мышь. Юноша-программист тоже как-то напрягся, а секретарша, стоявшая за спинкой кресла Семенова, вдруг чуть наклонилась, будто собралась поправить чулок или одернуть юбку. Почуввав неладное, полковник Сухопаров резко поднялся... и тут же снова рухнул в кресло. Точно между бровями у него образовалось темно-вишневое пятнышко входного отверстия примерно двадцать второго калибра. Из ствола небольшого пистолета в руке секретарши курил легкий дымок. Почти сразу рывкнули два «дезерт игл» и кашлянул «тридцать восьмой». Это неповоротливый с виду «юрист» мгновенно выхватил из-за пазухи два здоровенных пистолета и, выстрелив дуплетом, продырявил черепа обоим охранникам, а юный программист, не целясь, всадил пулю в висок попытавшемуся схватиться за свое оружие начальнику охраны. Охранников отбросило к стене, по которой они медленно сползли на ковролин, а тело главного стража Крепости рухнуло поперек двери. Программист отложил пистолет на столик, раскрыл свой комп, изучил картинку, пробежался пальцами по клавиатуре и показал Семенову большой палец.

– А вы сомневались, босс. Видите, как я все красиво взломал. И сканеры, и детекторы их вонючие, и флюоскопы – все одной программой «крякнул»! Даже металлоискатель отключил, хотя он с системой вообще почти никак не бьется. Это все наш новый софт... Люблю я новые софты!.. Блокирую казармы и открываю главные ворота.

– Поторопись.

– Пнуть по компу для ускорения?

– Не борзей.

– Не буду, – парень ухмыльнулся. – Готово! Местная система наша на все сто! Гарнизон заперт... ну, кроме караула, конечно. Пустить им газку?

– Что за газ?

– На всякий случай у них нервно-паралитический припасен. По всему верхнему уровню, судя по схеме, трубы проложены, параллельно пожарной системе.

– Не надо. Просто держи их взаперти.

– А я бы пустил!

Жорик схватился за горло и начал кривляться и хрипеть, изображая мучения задыхающегося. За что получил подзатыльник от Мамонта, успокоился и как ни в чем не бывало вернулся к работе.

– Аслан, – Семенов коснулся своего смарта, – действуй.

- Понял, босс, – мгновенно откликнулся Аслан. – Беглый огонь! Жорик, подсказывай!
- Двое сразу за бронедверью, Аслан.

Звуков стрельбы в этом отсеке М-зоны слышно не было, но следующий выход Аслана на связь подтвердил, что стрельба у входа в сердце Крепости все-таки была.

- Двое справа, за тонированными ширмами!

Аслан не ответил. За него все сказал автоматический «глок».

– Внимание, Мамонт! – Жорик положил руку на лежащий рядом с компом пистолет. Мамонт встал напротив двери, изготовив свои «сорок четвертые» к стрельбе.

Мимо комнаты для переговоров промчались двое охранников из дальних отсеков М-зоны. Когда их шаги удалились, Жорик ткнул в клавишу, и двери переговорного зала раскрылись. Мамонт сделал шаг в коридор и дважды выстрелил охранникам в спины. Затем он шагнул обратно, а Жорик снова заблокировал двери.

- Все, в М-зоне только наши, – констатировал Жорик.

- А в компьютерном зале и лабораториях?

– Там двадцать три инженера, но никаких охранников. Вне зоны тоже чисто. На верхней площадке сели пять наших вертушек. У блокпоста какая-то заминка... А-а... нет, все рассосалось. Большие ворота открыты. Колонна главных сил входит в Крепость. Бункер наш, босс.

Он поднял торжествующий взгляд на Семенова. Тот снисходительно улыбнулся и обернулся к появившемуся в дверях Аслану.

- Один двести, два триста, но не тяжело, – доложил о потерях начальник охраны.

– Приемлемо, – Семенов кивнул. – Займись казармами. Если солдаты начнут выпендриваться, трави их газом.

- Может, сразу?

– Почему вы у меня такие кровожадные? – делано удивился Семенов. – Что ты, что Жорик... Один вон Мамонт гуманный.

– Еще Тома, – сказал Мамонт, пряча пистолеты. – Гуманно меткая, хотя и непредсказуемая. Я чуть не кончил, когда увидел, откуда ты достаешь волюну...

– Всего-то из-под юбки, – подала Тома голос – ровный и холодный, как северный ветер, – из-за подвязки.

– А мне, думаешь, видно было, за подвязкой у тебя пистоль торчал или еще где? – Мамонт утробно рассмеялся. Вместе с ним заржали и Жорик с Асланом.

Тамара обвела их презрительным взглядом – «гогочите, гогочите, потные гиббоны!» – и отвернулась. Семенов только изобразил подобие усмешки. Он встал и указал Аслану на тела.

- Прикажи убрать здесь. Да не в пропасть бросать, а по-людски их закопать.

- Тут камни кругом, куда закапывать-то? – удивился Аслан.

- Твоя, что ли, забота? Пленных припаши, им все равно делать больше нечего.

- А чем вам пропасть не угодила?

- Нет, – отрезал Семенов и холодно посмотрел в глаза Аслану.

Ничего не добавив, он вышел из переговорной. Мамонт и Тамара вышли следом.

– Газом всех потравить, если потребуется, значит, все-таки можно, а в пропасть – не могли? – с некоторым недоумением пробормотал Жорик. – Чудит босс...

- Нет, он прав, – с нотками уважения возразил Аслан. – Джигиты мертвым не мстят...

Когда Семенов поднялся на верхний уровень, судьба Горной Крепости была уже окончательно решена. Повсюду сновали солдаты в черной униформе, а около сотни застигнутых врасплох охранников сидели перед казармой, положив руки на головы. Семенов услышал только последнюю автоматную очередь и глухой взрыв. Звуки доносились сверху, оттуда, куда вели лифты и марши открытой пожарной лестницы.

Пока босс осматривал трофеи – десяток вертушек, машины, оружие и множество военного барахла, – те, кто стрелял на гряде, спустились вниз.

– Узнай, что там было, – бросил Семенов Мамонту.

Встав живой скалой на пути бредущей к своему «бэтээру» спецгруппы, телохранитель легко выловил командира и подвел его к Семенову. Босс выжидательно взглянул на офицера. Под пристальным взглядом высокого начальства тот на секунду замаялся, а затем сообразил:

– Разрешите доложить?

– Давно пора.

– Лейтенант Усов, командовал группой захвата аэродрома и радарного комплекса на гряде.

– Что за стрельба там была, Усов?

– Мы думали, что радар и диспетчерские передатчики управляются из бункера, как и все остальное, но оказалось, на экстренный случай у них есть дублирующая автономная система управления. Охрана радара успела предупредить диспетчеров, и они перевели свои системы в аварийный режим. Пока мы поднимались вверх и пробивались к башне, диспетчеры успели связаться с бортами на подлете и предупредили их, что бункер захвачен.

– Всех предупредили?

– Двоих точно. Пришлось говорунов положить.

– Прокол. – Семенов недовольно покачал головой. – Что за борта?

– Не могу знать!

– Жорик, слышишь меня? – Семенов открыл смарт. – Что за борта мы упустили?

– На посадку заходила вертушка. Она сейчас ушла на юг, но недалеко. Мы ее ведем...

– Перехват выслали? Аслан, ты на связи?

– Да, босс, два вертолета ушли на перехват.

– Справятся?

– Думаю, да.

– А ты не думай! – вскипел Семенов. – Пошли еще два! Чтобы наверняка!

– Как скажете. – Аслан на приступ негодования босса отреагировал спокойно.

– Жорик, где второй борт?

– С ним сложнее, босс, он ушел на запасной аэродром. Судя по диспетчерским раскладкам, это был «толстяк».

– «Ил-200»?

– Он самый.

– Куда, интересно узнать, он собирался сесть? Аэродром даже для «кукурузника» впри-
тык. Или здесь что, полоса раздвижная?

– Загадка, босс. Может, он собирался свой груз на парашютах сбросить?

– На какой аэродром он пошел?

– Без понятия. На северо-запад двинул, это точно, а где сядет... гадать не возьмусь. У него же дальность полета просто бессовестная. Может прямо в Питер усвистеть или вообще в Стокгольм. Не знаю.

– Номер у него какой?

– «СД-008». Да мы его и без номера вычислим. Таких летающих слонов на всю страну с десятков не наберется.

– Вычислить его мало. Нужно успеть это сделать до того, как он скинет свой груз. Что он вез? Открой полетное задание, хоть какая-то зацепка там есть?

– Не знаю, босс, – в голосе Жорика появилась нехарактерная неуверенность, – вы лучше сами взгляните.

Смарт пискнул, оповещая, что получил сообщение. Семенов открыл файл и внимательно прочитал полетное задание. Некоторое время он удивленно таращился на текст, перечитывая его снова, а затем негромко присвистнул.

– Лихо!

– Вот именно, – поддакнул Жорик. – Только наводит на грустные мысли...

– Это на какие? – задумчиво спросил Семенов.

– Лично меня – на мысль о том, что мы чего-то не знаем.

– Меня тоже, – признался босс. – И как бы нам это незнание не вышло боком... Вот что, Жорик, сообщи всем западным филиалам, что надо обязательно найти улизнувший самолет. И как можно быстрее. Найти и захватить его или хотя бы груз, целым и невредимым. Понял меня? Невредимым!

– Нет проблем, босс! Подключим к поискам «невод», и все будет тип-топ. Найдем «ноль восьмого» за пять минут!

– Не факт. – Семенов уставился в одну точку. – Если он сумел провернуть свой трюк над Москвой и его не арестовала аэрополиция, значит, не все так просто.

– А «невод» тут при чем? Крутизна объекта его не волнует, это же независимая спутниковая сеть. Отследит как миленького, будь этот беглец хоть сам президент.

– Аэрополиция тоже «неводом» пользуется, однако не отследила...

– Да заплатили «красные» полицейским, и все дела! Точно вам говорю, босс, когда надо выбирать между неисправностью техники и человеческим фактором – ставьте на людей. Однозначно не проиграете.

– Увидим. – Семенов встряхнулся. – А пока давай-ка займемся делом...

Глава 3

05 июля, 11 часов 45 минут

Пробуждение бывает разным. Иногда просыпаешься и заранее любишь весь мир, пусть и твердо знаешь, что он несовершенен. Иногда наоборот: просыпаешься, понимая, что несовершенство его вовсе не портит, а лишь стимулирует обитателей потрудиться над доработкой окружающей действительности, но тебе отвратительна мысль о любой работе, даже лежащей, и, как следствие, – отвратителен весь мир. Бывает и нейтральная ситуация: просто лежишь до последнего и лениво думаешь: «Что изменится, если не вставать? Вообще. До самого вечера. Рухнут основы мироздания или устоят?» Обычно размышления, конечно, заканчиваются подъемом, но не таким бодрым и вдохновенным, как в первом случае, хотя и не таким тягостным и брюзгливым, как во втором. Все прочие варианты лишь производные от этих трех. Но это если говорить о пробуждении, а вот когда тебя выключили, будто ходячий смарт, а затем снова включили – ощущения иные. Это даже не «восстание из ада» после грандиозной попойки, это гораздо хуже. Особенно если учесть, что выключали не водкой с пивом, а с помощью какой-то «химии». А вернули в сознание вообще...

Барков приоткрыл один глаз... А вернули в сознание вообще с помощью... С помощью чего? Он попытался сосредоточиться на сигнале побудки: был он или нет? Комп «Нюси» пропел подъем или смарт сыграл какую-нибудь оркестровую увертюру? Вроде бы никаких отголосков в голове не металось. В ней вообще ничего не звучало, кроме неприятного металлического звона. Саша покосился вправо, затем влево, пошевелился – тело слушалось – и сел более-менее прямо. Все верно, он сидел за рулем своего «Следопыта». Но комп машины молчал, ТВ-панель не светила, а радио не работало. Барков поднял руку: смарт на месте, но тоже молчит. Выходит, сигнала к пробуждению не было? Сам очнулся, когда кончилось действие «химии»? Стоп! Отключался-то не здесь, не в машине! Тот злодей в противогазной маске пшикнул из баллончика, когда Саша стоял в трех метрах от водительской двери... в грузовом отсеке здорового самолета! Барков подался вперед, жадно впитывая зрительную информацию. Во-первых, там, за лобовым стеклом, было светло. Во-вторых, стена в десяти метрах перед машиной никак не тянула на самолетную переборку. Она была сделана из гофрированного железа, но выкрашена синей краской, и перед ней не болтались никакие крепежные ремни или сети. Саша прильнул к левому окошку. Рядом стоял весьма и весьма пожилой, но еще вполне бодрый «Линкольн Навигатор». Прожорливая громадина перекрывала весь обзор по горизонтали, однако не могла закрыть главное – небо. Синее, в стремительно несущихся на восток рваных облаках, освещенное полуденным солнцем. Барков взглянул в правое окошко, а затем обернулся. «Нюся» стояла на открытой парковке перед каким-то длинным модульным строением. На земле. И никаких тебе самолетов и людей в масках.

Словно пытаюсь прогнать остатки наваждения, Саша встряхнул головой – и тут же об этом пожалел. Звон в ушах усилился, нахлынула волна жгучей головной боли, и резко замутило. Чтобы не запачкать салон, Барков распахнул дверцу и свесился наружу. Внизу оказался нормальный асфальт с аккуратными, будто только сегодня нанесенными полосками стояночной разметки. Даже неудобно на такой блевать. Саша сделал несколько глубоких вдохов, и тошнота отступила. Барков выбрался из «Следопыта», покачнулся и оперся о его капот. Голова не только раскалывалась, но еще и кружилась. Похмелье, да и только. Вот только пивком его не победишь. Не та у него предыстория. Нашатыря бы понюхать, как это

делали ребята после жестких спаррингов на тренировках. Проясняет сознание на раз. Но где его взять? Порыться в аптечке? Нет, там ничего такого не найти.

Ладно, обойдемся. Прикрыть глаза, выровнять дыхание и представить очищающее пламя свечи. Вдох, медленный выдох... Саша выпрямился, убирая руку с капота. Головокружение прошло без вспомогательных средств. Он открыл глаза и снова оценил обстановку. Длинная стена модульного здания обрывалась только справа, влево она тянулась, казалось, до бесконечности. Барков протиснулся между машинами и пересек обозначенную белыми стрелками проезжую часть парковки. С новой позиции ему открылся вид на ворота в стене справа, метров через сто. Над воротами висела голограмма фирменного знака – а вернее, иероглифа – и название раскинувшегося перед Сашей строения. Барков уже и так догадался, что это за сарай – по характерному окрасу гофрированных стен и по масштабам здания, – но голограмма подтвердила Сашину проницательность. Очнулся Барков на парковке одного из гигамаркетов всемирной торговой сети «Великая Стена». В этом полностью компьютеризованном и автоматизированном комплексе предпочитали запастись продуктами и товарами люди практичные, занятые и имеющие дома лишний холодильник. Такие, как Саша, например. По субботам он выезжал на промысел вместе с тысячами таких же «практиков» и забивал багажное отделение «Нюси» под завязку фасованными полуфабрикатами. Возможно, преимущество затоваривания в «Стене» было для кого-то спорным, но для Баркова не подлежало сомнению. Ему претили вечерние походы по супермаркетам с корзинками в руках, а Лене этим заниматься было некогда или просто не хотелось. Сетевые магазины с доставкой товаров на дом при всем удобстве тоже имели свои недостатки – в первую очередь высокую наценку. Поэтому стать постоянными клиентами «Стены» показалось Барковым наиболее приемлемым вариантом. Саше – потому что посещение гигамаркета не требовало особых затрат энергии и времени – ближайшая «Стена» располагалась в десяти минутах от дома и по дороге к ней никогда не было пробок, а Лену брали за душу оптовые цены – процентов на тридцать ниже, чем в ближайших магазинах. Она не то чтобы жадничала, просто умела считать деньги. Барков к соображениям экономии семейного бюджета относился снисходительно – «Мало зарабатываю, что ли?» – но в целом признавал, что это разумно. Однако в первую очередь ему нравилось ездить в «Стену» из-за впечатляющей технологичности процесса покупки. Во-первых, въезжать в гигамаркет полагалось прямо на своей машине. Это правило было обусловлено не только заботой хозяев об удобстве клиента, но и количеством товара и размерами торговых площадей. Пешком обойти магазин было нереально. Чтобы осмотреть бесконечные витрины, потребовалось бы бродить три месяца. Нет, можно было, конечно, не ходить, а сесть в специальном зале и поработать мышкой, выбирая товар на объемном экране компа, но в этом случае процесс выбора и погрузки серьезно затягивался. Так что лучше было въезжать на машине и спокойно раскатывать по широким проездам, разглядывая головитрины. Да не просто разглядывая, а имея возможность повернуть голограмму интересующего товара в разных ракурсах, получить на комп машины или на личный смарт информацию об изготовителе, составе продукта, сроках его реализации и так далее. Если тебя все устраивало, ты просто говорил: «Беру столько-то», и проворные служащие мгновенно грузили товар в багажник, а в бортовом компе машины или на личном смарт начинал работать кассовый счетчик. Это во-вторых. Третьим приятным моментом было отсутствие в прайс-листах слова «нет». Если на складах «Стены» чего-то не было, это означало лишь одно: такого товара не существует в природе. Расчет производился на выезде. Хоть наличными, хоть банковской карточкой или виртуальными сетевыми кредитками. А если ты посетил «Стену» хотя бы во второй раз, можно было и вовсе получить неограниченный долгосрочный кредит от «Банк оф Чайна». Удобно и выгодно. Подобные заведения имелись практически в каждом крупном городе Европы, в половине городов Азии и даже в Штатах. Причем название вовсе не означало, что торгуют в этих городках под единой

крышей исключительно китайскими продуктами и товарами повседневного спроса. Они в «Стене», естественно, продавались, но ширпотреб имел сертификаты строжайшего в мире Евротеста, а продукты предлагались рафинированные, в подогнанном под вкусы европейцев виде. Натуральных экзотических продуктов национальной кухни Поднебесной там было мало – не по ассортименту, а по запасам на складах. Оно и понятно, кому из москвичей или парижан придет в голову покупать ящиками вонючую водку с заспиртованной в бутылке змеей или запастись на месяц вперед жарким из саранчи? Одному из миллиона, да и то на спор. Так что истинные ценители китайской кухни ездили за острыми ощущениями не сюда, а непосредственно в ресторанчики Чайна-тауна – тоже имевшегося в любом городе.

«Кроме городов Китая, конечно». Барков усмехнулся. Ну, и что все это означает? Магазин был вроде бы знакомый, да они везде одинаковые, но не тот, в который он ездил обычно. Хотя бы потому, что дома вокруг другие. Саша обернулся и почесал в затылке. Другие, это он, конечно, загнул. Разнокалиберные кирпичные высотки, как опять же в любом новом районе любого города. И все-таки не те, к которым он привык. Впрочем, «Великих Стен» в Москве штук двадцать, кто знает, какие вокруг них стоят дома? И все-таки что-то тут не так. Ветерок какой-то не такой и запах... нигде в Москве так не пахнет: чем-то неуловимо свежим. Не то влажной листвой, не то близкой большой водой. Не рекой и не водохранилищем, а настоящей большой водой: соленой, мощной...

Уже ближе... К чему только? К пониманию происходящего? Баркова вдруг осенило. Он с досадой сплюнул. «Химия» отупила просто до неприличия. Не на высотки надо было в первую очередь пялиться. Это же очевидно! Барков прошелся вдоль стоящих на парковке машин и вернулся к «Нюсе». На большинстве авто были номера с другими цифрами региона. В основном «78». Неужели Питер?

Саша уселся за руль и строгим голосом вызвал комп. «Следопыт» не отреагировал. Это удивило Баркова даже больше догадки, что он странным образом очутился в Питере.

– Не понял. «Нюся», кому спим?

Комп машины будто умер. Кроме лампочки под потолком, не светило ни одного прибора. А между тем раз загоралась лампочка, значит, аккумулятор давал ток и очевидной причины для отказа функционировать у компа не было.

Саша потыкал пальцем в кнопки, проверил сигнал – он уверенно тявкнул, – включил-выключил фары, понажимал на педали. Как средство передвижения, «Следопыт» был полностью исправен. Только он ни в какую не желал общаться с водителем. На такой случай конструкторами был предусмотрен простой и логичный выход: в комплект машины входили два самых обыкновенных ключа. При отказе компа следовало взять один из них, вставить в замок зажигания и повернуть. И все. Машина в этом случае становилась таким молчаливым призраком из двадцатого века, но ехала. Пусть на страх и риск водителя, но ехала.

Барков негромко выругался. Ключ – это хорошо, да только он лежит дома, в тумбочке. А дом в Москве, в Химках. В престижном, кстати сказать, новом квартале, чем-то похожем на раскинувшийся позади... Питерский микрорайон. Питерский. Может, все-таки не Питерский? Может, это последствия отравления, остаточные глюки? Он снова потыкал в кнопки приборов. Полный ноль. «Нюся» упрямо не желала пробуждаться.

Саша в сердцах хлопнул по «баранке». Ла-адно, обойдемся! Он включил смарт. Только не роуминг! Смарт выбросил на экран красивую объемную заставку. «Исаакий», Медный всадник и текст внизу: «Добро пожаловать в Санкт-Петербург, господин Барков. МТС с вами везде!» Спасибо. Мы тоже с вами везде и всегда. Только не всегда понимаем, почему и как это получилось. И это не из-за врожденной тупости, а в результате чьей-то зловредной и определенно неумной шутки. Барков почувствовал, как его начинает потряхивать от негодования. Чтобы унять раздражение, он снова прикрыл глаза, выровнял дыхание и представил огонек свечи. Мир, покой и равновесие. Вдох – медленный выдох... Хорошо...

Мысли вернулись в практическую плоскость. Злость на неизвестных негодяев следует приберечь до момента встречи с ними лицом к лицу. Сейчас важнее придумать план дальнейших действий. Раз Баркова отпустили, значит, время и обстоятельства работают на него. Что-то у врагов не сложилось. Логично? Вполне. Не может же быть, что доставка к питерской «Стене» и была целью похищения. Абсурд. Значит, у злодеев что-то сорвалось. Но виды на Баркова они до сих пор имеют. Зачем иначе было с ним возиться? Сбросили бы в Ладогу с десятикилометровой высоты, и все дела. Однако же нет, его аккуратно выгрузили, привезли сюда и оставили в покое. Надолго ли – непонятно. Но это и неважно. Надо ловить момент. Для начала попытаться наладить связь с реальностью. Первым делом – позвонить домой.

Больше всего Барков опасался, что вызов снова не пройдет. Вернее, пройдет, но ответа не будет. Он произнес «дом» и затаил дыхание. Ожидание затянулось на пять длинных гудков. Затем включился мажордом – домашний комп, управляющий всеми приборами в квартире и для связи с хозяином имеющий выход во все сети. Проигнорировав его приветствие, Саша приказал: «Видео», и на экранчике смарта появилась картинка: прихожая. Ничего необычного. Разве что нигде не видно босоножек жены и детская коляска стоит почему-то не на месте, почти у двери в гостиную. Барков нажал кнопку, ракурс сменился. Теперь в кадре была спальня. Супружеское ложе, скомканное одеяло, ночная рубашка, подушки друг на друге, рядом журнал мод, на тумбочке знакомый смартфон «Самсунг» – Саша подарил его Лене на день рождения. Такое впечатление, что Лена читала, лежа в постели, а затем вышла на кухню или в душ. В это можно было поверить, если бы в кроватке Олежека тоже не было пусто. Семейство переместилось на кухню лакомиться безвкусными, с точки зрения взрослого человека, овощными пюре из малюсеньких баночек? Саша собрался сменить картинку, но тут его взгляд зацепился за темное пятно рядом с кроватью. Барков нажал кнопку управления «зумом» камеры мажордома. Темный предмет оказался краем дорожной сумки, из которой выглядывали детские вещи. Куда-то собирались? Лена могла достать сумку, чтобы прикинуть, хватит ли ее объема для нужных в будущем отпуске вещей, но зачем она сложила Олежкины ползунки? Брать чадо с собой на юг Барковы не собирались. Странно и оттого тревожно. Саша переключился на камеру в кухне – никого. Обнаружив, что хозяин интересуется кухней, мажордом тут же наябедничал: стиральная машина завершила цикл стирка-отжим, сушка-глажение, но белье до сих пор лежит в отделении выдачи. Непорядок. Барков с ним согласился. Непорядок, но придется потерпеть. Он продолжил осмотр. Посуда на столе, детский стульчик со столиком задвинут в угол, на полу хлебные крошки и лужица пюре «Хайнц». Вон и пустая баночка к холодильнику откатилась. Вообще-то Лена большая аккуратистка, и любая крошка или лежащая не на месте вещь в ее понятии – бардак, поэтому абсолютно не понятно, как мог случиться такой разгром – целая баночка на полу валяется. Что же произошло? Почему она куда-то срочно умчалась, не убрав предварительно в доме? Неужели... Неужели весть о похищении Баркова уже разнеслась по внутренней сети и Лена помчалась к Саше на работу, чтобы искать пропавшего супруга совместно с его работодателем? Как же узнать? Ведь смартфон Лена оставила на тумбочке. Черт, и когда только эти женщины поймут, что мобильные игрушки – не украшения вроде дорогого браслета, а полезные повседневные приборы? Барков дал отбой связи с домом и тут же вызвал Настю. Секретарша Евгения Ивановича была на месте, но, что удивительно, отреагировала на звонок Саши абсолютно спокойно. Барков-то ожидал «круглых глаз» и возмущенного полусшепота, но Настя лишь на секунду отвлеклась от подкрашивания ресниц и дежурно улыбнулась.

– Привет, ты где?

– Настя, ты не поверишь. – Барков осекся. – Шеф на месте?

– Нет, – Настя пожала плечиками. – Разве он не с тобой?

– Не понял...

– Чего ты не понял? – Она отвела в сторону щеточку с тушью. – Ну, или ты разве не с ним? Какая разница-то?

– Никакой, если не брать в расчет, что я в Питере!

– Уже? – Настя снова поднесла щеточку к и без того густо намазанным ресницам. – Договорились, значит, с партнерами?

– Не знаю. – Саша замялся.

Было похоже, что его не только не потеряли на работе, но еще и записали в герои труда. И всем им даже невдомек, что Барков на самом деле не трудится над новым договором с питерскими партнерами, а прохлаждается непосредственно в городе на Неве.

– Значит, шеф тебе ничего не говорил насчет меня и не звонил?

– С какой стати мы должны о тебе шушукаться? – Настя надула губки, оценила яркость помады и потянулась к косметичке. – Он уехал к двенадцати на переговоры. Меня с собой не взял и больше не звонил.

– Странно...

В чудесных, но обычно не переполненных мыслями Настиных глазах мелькнула догадка.

– Вы уже обмыли сделку, что ли?

– Да не с шефом я, говорю же! Потому и удивляюсь, что он меня не хватился!

– Нарезались так, что друг друга потеряли? – не обращая внимания на Сашины реплики, развила Настя тему. – У вас там что, джунгли вокруг ресторана? Где это вы зависли?

Саша открыл было рот, чтобы рассказать Насте, в какую попал передрыгу, но передумал и просто сбросил вызов. Если рассказать эту невероятную историю Насте, пиши пропало. Обязательно переврет, растрезвонит, что Барков на радостях надрался, морально разложился и теперь сочиняет небылицы, чтобы не возвращаться на работу, а возможно, и домой до завтрашнего утра. А если Лена поехала в офис, вся эта информация дойдет и до нее. С Настей они общаются весьма доверительно. Что за этим последует – страшно представить. Скандал будет до небес.

Нет, надо подойти к вопросу иначе. Раз уж факт незаконного перемещения в Питер можно считать доказанным, гражданину Баркову следует обратиться «куда следует». И поскольку захват наземного транспорта воздушным судном можно квалифицировать как натуральное пиратство, следует обращаться в аэрополицию. Логично? Логичнее некуда. Саша вызвал на экран список экстренных служб и выделил номер дежурного диспетчера по Центральному округу.

– Майор Симонян на линии, – грузный чернявый диспетчер смерил Баркова внимательным взглядом.

– Я... не знаю, как объяснить... – немного растерялся Саша. – В общем, я в Питере.

– Номер дежурного по Санкт-Петербургу: плюс семь, восемьсот двенадцать, девятьсот...

– Постойте! Вы не поняли! Вот мой личный номер и ВИН машины... – Саша нажатием кнопки на смартфоне отправил на сервер аэрополиции идентификационные данные. – Я москвич, но оказался здесь... не по своей воле...

– Бывает. – Симонян усмехнулся.

– Что бывает? Что людей увозят в Питер против их воли? Да еще вместе с машиной?

– На чем? – удивился майор.

– Сначала меня подцепил эвакуатор на Ленинградском шоссе, а потом он перегрузил меня в самолет... Прямо на лету!

– Вы пили? – строго спросил Симонян.

– Нет! И наркотики я не принимаю! Говорю вам, погрузили прямо в самолет. Вертушка влетела в его... трюм, или как он там называется... отцепила – и назад...

– Ага, – майор рассмеялся теперь уже открыто. – «Лечу, смотрю в зеркало заднего вида, а там „фантомы“, ну я по тормозам, „баранку“ вправо – и в облака...» Я много таких анекдотов знаю, господин Барков. Вы же серьезный человек. Зачем отнимаете время у занятых людей?

– Я и сейчас серьезен, господин майор. Какие могут быть шутки, если человека похитили, отключили с помощью какой-то «химии» и выбросили в другом городе?

– Согласен, шутка дурацкая. – Симонян выгнул густую бровь высокой дугой. – Значит, какие-то наркотические вещества все-таки были?

– Были, но...

– Давайте договоримся так, господин Барков, вы поедете сейчас в ближайший мотель и хорошенько проспите, а я забуду, что слышал, и не стану сообщать в ДПС о нетрезвом гражданине за рулем. Исключительно по-дружески. Все-таки вы сотрудник уважаемой фирмы, как я погляжу... – Он заглянул в свой комп. – «Мобисофт», верно?

– Верно, – Саша окончательно скис. – А если я сам отыщу в «неводе» файл с записью происшествия?

– Мы отслеживаем воздушную обстановку над столицей, как нигде. – Симонян посуловел, и в его речи прорезался незаметный до сих пор акцент. – Если «нэвод» нэ зафиксировал происшествия в реальном времени, его нэ было! Нэ мешайте работать, гражданин! Еще раз позвоните, будете отвечать за телефонное хулиганство.

Связь прервалась. Барков негромко выругался, выбрал из списка номер дежурной части местной милиции, но немного подумал и закрыл смарт. Что скажет милиция, кроме традиционного – проспись? Ведь это и на самом деле бессмыслица – похитили, привезли в соседний город и отпустили, – шутка богатеньких друзей богатенького молодого выскочки, да и только. И то, что друзей, способных на такие шутки, у Саши нет, никого ни в чем не убедит. Если не будет подтверждения происшествия из аэрополиции, решат, что Барков все выдумал. А подтверждения не будет, майор-диспетчер заявил об этом абсолютно официально. Можно попытаться собрать косвенные доказательства: например, пробить машину по базе ГАИ. Если она прибыла в Питер не на самолете, а своим ходом, ее передвижение должны были зафиксировать камеры и лазерные сканеры на постах вдоль Е95. Прибытие железнодорожной сеткой тем более легко проверить: все грузы на железных дорогах проходят как минимум тройной контроль и фиксируются в транспортных накладных. Даже частные. Таковы требования Госкомитета по антитеррору, наиболее серьезной структуры в составе ФСБ. В общем, если залезть в сеть, файлов косвенных улик найдется немало. Только они не пригодятся, Барков знал это почти наверняка. Аэрополиции не хочется портить себе отчетность, и она обязательно отбрешется, да еще встречное обвинение выдумает, с нее станет. Структура, особенно государственная, не может быть крайней – в кругу поруки крайних не бывает, это судьба отдельного гражданина.

Барков уныло погладил кожаную оплетку руля. Остается лишь одно – как-нибудь завести «Нюсю» и двигать домой. Если повезет не вляпаться в пробку до выезда на скоростное шоссе и после, уже на улицах родного города, то часа за три-четыре можно добраться. А что еще делать? Все равно иначе в ситуации не разобраться. Если перелет в Питер был уродской шуткой, юмористов следовало искать в Москве. Если чья-то нелепая ошибка, тем более нечего ловить – кто признается? О том, что незаконное перемещение в пространстве имело цель, Барков даже не пытался думать. Какая может быть цель, о чем вообще речь? Где хотя бы намек? Испорченный комп машины или «Стена»? Отсутствия дома жены или необъяснимое спокойствие шефа? Два последних обстоятельства более тревожные и непонятные, чем даже сам факт похищения, но все равно определенной, конкретной информации дают ноль целых, ноль сотых. На что таким способом намекают неизвестные злодеи? Ни одного толкового предположения, что уж говорить о твердых догадках.

Значит, надо завязывать с бесплодными размышлениями и заняться делом. Для начала завести «Следопыта». Пожалуй, без «технички» этого не сделать. Не лететь же домой за ключом. Саша без труда отыскал номер сервис-центра «Ниссан» и, вкратце обрисовав проблему, получил обнадеживающий ответ, первый за все время пребывания в Северной столице:

– Ожидайте, техник выехал, – голос симпатичной рыжеволосой девицы, возникшей на экране, был томным и чертовски приятным.

– Я же не сказал вам адрес, – «удивился» Саша, на самом деле заранее зная, что она ответит. Ему просто хотелось еще немного послушать ее голос.

– Автономный радиомаяк вашей машины, господин Барков, работает независимо от бортового компьютера, – она чуть понизила голос, доводя интонации до прозрачной грани, за которой начинался если не интим, то во всяком случае полное доверие. – «Невод» уже определил ваше местоположение, Александр Андреевич.

Известный и примитивнейший прием – назови клиента по имени, и он твой с потрохами, но ведь работает безотказно. Гормоны хлынули в кровь в четвертый раз за день. Где-то в глубине сознания мелькнула снисходительная мысль о сотне отжиманий на кулаках. А иначе неизбежен адюльтер с первой встречной. Саша хмыкнул и вдруг ухватил новую мысль – странную, будто бы чужую: а ведь все может быть не так уж просто. С чего это организм вдруг начал бурлить от избытка гормонов? И еще один интересный факт: буквально полчаса назад Баркова одолевала жуткая мигрень, а теперь он наслаждается жизнью и приятными женскими голосами, даже не думая маяться от последствий отравления злодейской «химией». В общей массе загадок сегодняшнего дня это были не самые интригующие, но отмахнуться от них не получалось. В памяти всплыла фраза, которую Саша не то мысленно произнес, не то услышал перед тем, как провалиться в забытие: «Программа запущена». Что к чему? Пока непонятно, но, возможно, какая-то связь тут имеется. Надо будет подумать в дороге. Все равно, когда летишь по шоссе, делать нечего. Только слушать музыку да размышлять. Но сначала надо завести «Нюсю» и проложить оптимальный маршрут. И для осуществления последнего следует сориентироваться на местности.

– Ну, и где я?

– Недалеко от Петродворца, в километре от въезда в тоннель второго транспортного кольца, вы разве сами не знаете? На стоянке у «Великой Стены».

– Я плохо ориентируюсь в Санкт-Петербурге. Ехал наугад, любовался окрестностями, ну и вот... приехал...

– Не волнуйтесь, наш техник уже в пяти минутах от вас. Мы уверены, что проблемы будут устранены в течение получаса и вы сможете продолжить свой вояж. Возможности сервисной службы «Ниссан», как и возможности машин нашей марки...

– ...превосходят все ожидания, – закончил Барков словами неизменного рекламного слогана.

– Совершенно верно, – мурлыкнула напоследок девица. – Всего доброго, господин Барков.

– Всего... – сказал Саша уже в пустой экран. Ему было страшно жаль, что эта лучезарная девушка так недолго пробыла на связи, и очень хотелось вызвать сервис-центр снова, но он удержался. Зачем отвлекать людей по пустякам? Майор Симонян был прав. Барков собрался уже закрыть смарт и, привычно заложив руки за голову, спокойно развалиться в кресле, ожидая техника, но мобильная игрушка неожиданно ожила и снова выдала изображение рыженькой сотрудницы «Ниссан-центра». Саша опешил. Он готов был поклясться, что не нажимал никаких кнопок и не произносил номер или позывной абонента вслух. Барков торопливо ткнул в кнопку «сброс». Девица в экране понимающе улыбнулась, но ничего не сказала. Изображение сменила заставка с Медным всадником. Саша шумно выдох-

нул. Еще не хватало, чтобы сломался заодно и смартфон. И дело не в том, что в этом случае «МотоVS-14X» получит плохую оценку за испытания, просто остаться вообще без связи Баркову было страшно. Купить дешевенький смартфон можно было на любом углу в течение пяти минут, но даже пятиминутный информационный вакуум представлялся Саше чем-то ужасным, вроде падения из поднебесья, когда основной парашют отказал, а запасной пока не раскрылся.

Барков внимательно изучил смартфон, погонял его в нескольких тестовых режимах, набрав только ему ведомые комбинации цифр, залез в программу и, наконец, оставил машинку в покое. Смартфон был полностью исправен. Решив, что более детальный поиск неполадки невозможен без подключения к специальной аппаратуре в лабораториях «Мобисофт», Саша успокоился и оглянулся по сторонам. Пять минут, обещанные рыжеволосой девицей, прошли. Расписанная фирменными знаками «техничка» действительно уже въезжала на парковку. Барков открыл дверцу, чтобы выбраться из машины, но тут его взгляд переместился на дальнюю часть стоянки, и он замер. Неприятное предчувствие остро кольнуло куда-то под лопатку. По тому же коридору между машинами, что и «техничка», но только ей навстречу, медленно ехали два черных «Лендкрузера Прадо».

Саша мгновенно вспомнил все, о чем думал сегодня утром, попивая кофе. Конечно, появление здесь этих чемоданов могло оказаться простым совпадением – да наверняка было совпадением, что за глупая паника?! – но как-то уж очень осторожно они двигались по стоянке, словно кого-то искали. Или подкрадывались. Совсем как тот их «хищный» собрат десять лет назад примерялся к загнанному «Лексусу»... Предчувствие усилилось после того, как «техничка» остановилась, не доехав до клиента метров сто. У Саши мелькнула нелепая мысль о наводке. Техник навел этих «черных»? Но почему?! Зачем?! И кто они все такие?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.